

Афганский ящик Пандоры

Мы публикуем книгу [М.Фалькова](#) об истории военных конфликтов в этой стране с древних времен до наших дней. Учитывая начавшуюся 8 октября 2001 года военную операцию США и Великобритании в Афганистане, думаем, что это будет крайне актуально для наших читателей. Книга была написана в конце 98-го – начале 99 гг. и частично опубликована в израильском ИД [«Новости недели»](#) (главный редактор Л. Белоцерковский). Как выяснилось, интересы Фалькова отнюдь не ограничиваются [конфликтом на Ближнем Востоке](#). Кстати, учитывая неоднозначное отношение к его деятельности в России, мы планируем в ближайшее время опубликовать с ним интервью в [серии интервью с нашими участниками](#). Начинаем публиковать первые главы:

- Глава 1. [Кто на них с мечом пойдет...](#)
- Глава 2. [Война под знаменем ислама](#)
- Глава 3. [Неудавшийся опыт благополучия](#)
- Глава 4. [Война возвращается](#)
- Глава 5. [Борьба за Герат](#)
- Глава 6. [Ваххабиты пришли из Индии](#)
- Глава 7. [Тучи сгущаются](#)
- Глава 8. [В парадном строю на Кабул](#)
- Глава 9. [Большая резня](#)
- Глава 10. [Неудавшийся реванш](#)
- Глава 11. [Родившие бурю](#)
- Глава 12. [«Джихад» заказывали?](#)
- Глава 13. [Верните чадру!](#)
- Глава 14. [Конец «золотого века»](#)
- Глава 15. [Муллы фюрера](#)
- Глава 16. [Подарок из Каира](#)
- Глава 17. [Кузница фанатиков](#)
- Глава 18. [В Пакистанском изгнании](#)
- Глава 19. [Раскол](#)
- Глава 20. [Новая власть – старая борьба](#)
- Глава 21. [Око за око](#)
- Глава 22. [Цена безумия](#)
- Глава 23. [Под крышей спецслужб](#)
- Глава 24. [Уходя – добей товарища](#)
- Глава 25. [Моджахеды приходят в полночь](#)
- Глава 26. [Долгий путь к единству](#)
- Глава 27. [«Пятая колонна» Тегерана](#)
- Глава 28. [Предчувствие победы](#)
- Глава 29. [Начало похода на север](#)
- Глава 30. [Бой скорпионов](#)
- Глава 31. [В поисках виноватых](#)
- Глава 32. [Схватка на краю пропасти](#)
- Глава 33. [Друг мой – враг мой](#)
- Глава 34. [Это страшное слово - студент](#)
- Глава 35. [Опасные гости](#)
- Глава 36. [«Полет бурака»](#)
- Глава 37. [Неудавшаяся месть премьера](#)
- Глава 38. [Цена старого шоссе](#)
- Глава 39. [Хорошо оплаченная слепота](#)

- Глава 40. [Крестный отец бесконечной войны](#)
- Глава 41. [Пакистанские спонсоры пуштунской мечты](#)
- Глава 42. [Жертвоприношение эмира Омара](#)
- Глава 43. [Сила золотого тельца](#)
- Глава 44. [Бедность активности не помеха](#)
- Глава 45. [Преимущества толстого кошелька](#)
- Глава 46. [Туркменский феномен](#)
- Глава 47. [Поход на север](#)
- Глава 48. [Западня](#)
- Глава 49. [Энергетическая дипломатия](#)
- Глава 50. [В поисках врага](#)
- Глава 51. [Диалог глухих](#)
- Глава 52. [Тень "старшего брата"](#)

Глава 1. Кто на них с мечом пойдет...

Крепость Александра Македонского в Герате (www.afghan-web.com)

Живописуя захватывающую, словно сказки "Тысячи и одной ночи", историю Афганистана, можно пуститься в описание деяний великих правителей и полководцев - всех этих шахов, ханов и беков, - их цветущих городов, лежавших некогда на Великом шелковом пути и переживавших периоды небывалого расцвета, несравнимые с нынешним их жалким состоянием. Однако, то будет крайне поверхностное изображение истории этой древней восточной страны, не вскрывающее самой сути ее. Суть же состоит в сочетании двух простых слов - бесконечная война. Воистину, кровопролитие в Афганистане не прекращалось никогда. Земли его пытались захватить многие и притом весьма могущественные властелины восточных имерий, орды диких кочевников и современные европейские армии. И все они, без исключения, сталкивались здесь с ожесточенным сопротивлением местного населения, коварством вождей и неисчерпаемым фанатизмом духовенства, какому бы богу оно ни служило. Мало кому удалось увезти отсюда несметные богатства и многочисленных рабов, но слишком многие нашли здесь свою смерть, обильно орошив своей кровью непокорные земли Афганистана.

Для справки: Афганистан расположен на северо-востоке Иранского нагорья, поэтому около трех четвертей всей его территории занимают горы. Широкий пояс гор севера страны сменяется на востоке наиболее высокими в Афганистане хребтами Центрального и Восточного Гиндукуша (наибольшая высота - гора Тиргаран, достигающая 6729 м). Их отличительная особенность - очень крутые склоны и полное обледенение. К югу от Гиндукуша находятся средневысотные горы Центрального Афганистана. Более высокие в западной части образуют нагорье Хазараджат, а более низкие, на востоке, включают в себя широкие речные долины. На юге же и юго-западе Афганистана расстилаются высокие равнины с рядом котловин. Именно в них располагаются знаменитые песчаные пустыни Регистан и Гармсир и каменистая Даити-Марго. Вдоль границы с Ираном и Пакистаном встречаются впадины с солончаками и озерами. А вдоль восточной границы Афганистана узкой полосой тянутся отроги Сулеймановых гор. Большая часть населения страны сосредоточена в долинах крупных рек, где расположены важнейшие города. Почти не заселены высокогорные районы системы Гиндукуша, а также южная часть страны, занятая пустынями.

Александр Македонский

Уже в 329 году до н.э. на территории северной части современного Афганистана появилась непобедимая, закаленная в сражениях с персами армия великого Александра Македонского. Покоритель Ойкумены был убежден, что местные полудикие народы сдадутся на его милость значительно скорее, нежели это сделали многочисленные культурные обитатели Западной Азии. Однако очень скоро планы самоуверенного грека разбились о подножье неприступного Гиндукуша. Смертоносный ураган поистине всенародной войны захлестнул пустыни, горы и оазисы Северного Афганистана и южной части Средней Азии, заставив эллинов дрогнуть. Сам Александр был тяжело ранен в одном из горных боев - факт, о котором редко и весьма неохотно вспоминают его летописцы. Событие это столь ожесточило нападавших, что они безжалостно вырезали целые селенья, не оставляя в живых абсолютно никого. Однако и их поразили факты многочисленных массовых самоубийств, когда окруженные горцы сами бросались со скал.

Вскоре восстание против греческой армии возглавил как сейчас сказали бы полевой командир по имени Спитамен. Талантливый военачальник и политик, он организовал мобильные партизанские отряды, наносившие болезненные удары вражеским войскам. Избегая прямых столкновений с ними, отряды Спитамена, подобно памирским ветрам, стремительно исчезали в горах и пустынях. При поддержке населения они устраивали засады на крутых горных тропах, внезапно осаждали и уничтожали удаленные греческие форпосты с находившимися в них гарнизонами.

В общей сложности Афганская кампания Македонского продлилась около двух лет - до середины 327 года. Завоеватели понесли тяжелейшие потери. Используя тактику "выжженной земли", они уничтожили всех до одного жителей множества городов и деревень. На определенном этапе войны агентам Александра удалось подкупить приближенных Спитамена, и он был предательски обезглавлен. Однако и после его смерти борьба не прекратилась. Заключительный ее этап оказался и наиболее сложным для греков, поскольку уцелевшие отряды партизан отчаянно сражались в труднодоступных горных районах. В конце концов, опустевшие афганские земли были покорены, но пролитая кровь застыла в памяти местных племен, став источником непреходящей свирепой ненависти ко всем иноземцам.

Таким образом, последующим поколениям завоевателей Афганистана Македонский оставил самое главное - свой опыт, который совершенно недвусмысленно свидетельствовал о том, что покорить эту ненормальную страну можно лишь ценой невероятных потерь личного состава армии и при условии практически тотального геноцида местного населения. Однако урок этот, по всей видимости, не пошел на пользу многочисленным искателям легкой наживы, устремившимся в Афганистан в последующие века. Так, во II веке до н.э. сюда вторглись кочевники-степняки из Центральной Азии, в IV веке - персидская армия Сасанидов, в V - дикие эфталиты, в VI, по очереди, - персы, индусы и тюрки и, наконец, в 651 году, завершив завоевание сасанидского Ирана, на афганскую землю пришли арабы.

Глава 2. Война под знаменем ислама

После Ирана, неожиданно быстро павшего к копытам арабской конницы в 651 году, Афганистан оказался для войск халифа настоящим адом. Стремительное продвижение их вглубь Центральной Азии было практически остановлено из-за необходимости вести

военные действия в горных районах, к чему арабы были совершенно не готовы. Лишь через год был захвачен Герат, принадлежавший ранее Сасанидам, и только в 664 году - Кабул. Однако арабы продержались здесь недолго и были выбиты из города афганцами. Вернуться сюда вновь удалось лишь более чем через пять десятилетий, в 706 году, полководцу Мухаммеду ибн аль-Касиму, который окончательно включил Кабул в состав Омейядского халифата. И вновь, как в свое время грекам, арабам пришлось прибегнуть к тотальному геноциду. На северо-востоке Афганистана, где завоевателям оказали особенно упорное сопротивление тюркские и эфталитские племена, посланники халифа уничтожали целые города, вырезая поголовно их население. Особую ярость мусульман вызывало также то обстоятельство, что во многих районах Афганистана, помимо христианских и иудейских общин, существовали также зороастрийские, манихейские, митраистские и очень крупные буддийские религиозные центры. Все эти учения, и особенно буддизм, рассматривались мусульманами как гнусное идолопоклонство, которое необходимо было безжалостно искоренить. Варварски уничтожались уникальные архитектурные и скульптурные ансамбли, бесценные произведения искусства и древние библиотеки. Кстати, 12 веков спустя талибы повторяют эти "подвиги" своих предшественников, уничтожив в одной из провинций уникальные, чудом сохранившиеся до наших дней статуи Будды.

В 707 году арабское войско овладело Балхом, который на протяжении многих столетий являлся крупнейшим культурным центром Северного Афганистана. Господствующей религией здесь являлся буддизм. Именно поэтому город был разрушен практически до основания, а из многочисленных местных религиозных общин сохранилась лишь еврейская. Восстановление города началось лишь почти два десятилетия спустя, в 725 году. Со временем Балх вернул себе статус крупного культурного центра региона, но теперь уже под зеленым знаменем ислама. Именно в VIII веке здесь появляются и первые суфии - адепты мистического течения в исламе. Собственно, Балх стал одним из центров формирования суфизма. Согласно устной традиции, местный правитель Ибрагим ибн-Адхам был одним из отцов-основателей нового учения. Со временем оно получило очень широкое распространение на территории Афганистана.

К концу VIII века арабы, подавив очаги народного сопротивления, установили свою власть на большей части территории Афганистана. Завоевание породило большую волну эмиграции на Восток, что существенно облегчило заселение некоторых областей арабскими колонистами. В IX веке именно на этих территориях развернулось строительство многочисленных "медресе" - мусульманских учебных заведений, возникших под влиянием опыта буддистов, христиан и иудеев. Огромное влияние оказали контакты с буддистами и на появление суфийских орденов-тарикатов.

Лишь в X веке ислам становится религией подавляющего большинства населения Афганистана. Однако вот парадокс: даже перейдя формально в новую веру, местное население не прекратило сопротивления власти халифа и его наместников. Наоборот, ислам стал мощным оружием в руках вождей многочисленных восстаний, которые отныне проходили под лозунгами различных исламских еретических течений. Так, в VII-X веках антиправительственные выступления возглавлялись сектами хариджитов и карматов, а также последователями знаменитого Муканны.

Глава 3. Неудавшийся опыт благополучия

Приняв активное участие в восстании под руководством великого проповедника Абу Муслима, народы Афганистана способствовали созданию халифата Аббасидов и, таким образом, оказались втянутыми в орбиту активно формировавшейся исламской культуры.

Халифам новой династии удалось существенно стабилизировать политическую и экономическую ситуацию в непокорной стране. При этом многие восстановленные древние города, особенно Балх и Герат, стали знаменитыми на весь мусульманский Восток центрами религиозной учености и культуры. Подключение к жизни единой империи, равно как и распространение единого арабского языка, провозило афганцам одновременно ознакомиться с научными и культурными достижениями ближневосточных народов и внести свой вклад в прогресс исламской цивилизации. Уже в VIII-IX веках, то есть одновременно с процессом завоевания страны, афганские ученые принимали активнейшее участие в интенсивной научной деятельности, поощрявшейся халифами. В результате, в X-XI веках в Афганистане наблюдается расцвет самых различных областей науки - математики, астрономии, химии и медицины. В различные периоды здесь творила целая плеяда величайших ученых, богословов, поэтов и мистиков - таких как Омар Хайям, Бируни, Ибн-Сина и, несколько позже, Руми. Кстати, аналогичный процесс происходил в тот же период и в соседней Средней Азии, с которой Афганистан был и остается связанным неразрывными узами.

Однако пика своего культурного и религиозного развития Афганистан достиг уже в XV-XVI веках, находясь под властью династии Тимуридов, потомков знаменитого Тимур-ленга. Именно тогда крупнейшим центром всего исламского Востока стал Герат. В стенах города творили одновременно сотни авторитетных богословов, суфийских шейхов, поэтов и ученых - таких, как великий философ-суфий и поэт Абд ар-Рахман Джами и выдающийся мыслитель, поэт и политик Низам ад-Дин Мир Алишер Навои. Кроме того, в Герате возводились великолепные мечети и располагавшие огромными библиотеками медресе, куда тысячами стекались ученики-талибы не только со всего Афганистана, но также из стран Ближнего Востока, Ирана и Средней Азии.

Помимо Герата высокого уровня развития достигли также уже упоминавшийся Балх, Кандагар и другие города Афганистана. Вообще, при потомках Тимура, кстати сказать оставившего по себе в мусульманском мире ужасную память, Афганистан переживал период относительной политической стабильности (крайне редкой в этих местах) и, как следствие, экономического благополучия.

Глава 4. Война возвращается

Однако подобной идиллии на земле Афганистана не суждено было продолжаться бесконечно. Как-будто сам Аллах проклял эту расположенную в центре Азиатского континента страну, превратив ее в подобие змеиной ямы, непрерывно источающей смертоносный яд. В XVI веке Захир ад-Дин Мухаммед Бабур, основатель династии Моголов, захватил часть афганской территории, сделав своей столицей Кабул. Другая часть страны досталась персидской династии Сефевидов. Отныне война вновь стала основным занятием афганцев. Боевые действия между Моголами и Сефевидами, а также непрерывные восстания местных племен против тех и других, продолжались вплоть до середины XVIII века.

В 1747 году вождь племени абдали Ахмад-хан, служивший ранее полководцем пуштунских отрядов в войске персидского владыки Надир-шаха, прибыв в Кандагар был избран шахом Афганистана. После этого события все пуштунские племена признали Ахмад-шаха своим правителем. А племя абдали, переименованное в дуррани ("жемчужное"), заняло ключевые позиции в образовавшейся Дурраннийской державе. Сразу после этого пуштуны начали объединение территории Афганистана под своим господством, что им очень быстро удалось, причем привелегированное их положение

сохранилось вплоть до наших дней. Впоследствии, воспользовавшись распадом империи Великих Моголов и державы Сефевидов, а также постоянными междоусобицами в Средней Азии, Ахмад-шах значительно расширил пределы своего государства, захватив обширные территории в Восточном Иране, Южном Туркестане и Северо-Западной Индии. Таким образом, Дурранийское государство превратилось со временем в достаточно сильную региональную державу, ядром которой стали районы Кандагара, Газни, Кабула и Герата.

. И вот тут-то на авансцене афганской истории появляются Великобритания и Россия - в то время два ведущих игрока в центрально-азиатской "большой игре", которых никоим образом не устраивало появление в регионе мощного независимого государства, способного нарушить их далекоидущие планы. Здесь стоит отметить, что на рубеже XVIII и XIX веков Санкт-Петербург проводил активную политику территориальной экспансии на Восток, укрепляясь в Закавказье и подготавливая захват Средней Азии. Понятно, что расширение владений дурранийцев на север никоим образом не входило в интересы русских. Англичане же, укреплявшие свои позиции на Индостане, с одной стороны стремились обезопасить свои колонии от воинственных афганцев, а с другой - были заинтересованы в дальнейшем продвижении на северо-запад Индии (входившие в состав Дурранийской державы Пенджаб и Кашмир). Вообще, Афганистан имел в планах британского руководства особое стратегическое значение, поскольку мог одновременно служить плацдармом и для дальнейшей борьбы с Ираном, и для экспансии в Среднюю Азию.

Таким образом, интересы Российской и Британской держав в афганском вопросе парадоксальным образом совпали, и это обстоятельство, в конечном итоге, предрешило судьбу государства Дуррани. Слабые и бесталанные потомки Ахмад-шаха растеряли многие его завоевания, в частности в ходе начавшейся в 1798 году войны с Персией, которая, как известно, была инспирирована британской разведкой. Война эта окончательно подорвала силы Афганистана: в 1818 году начались военные действия между различными силами на территории самой страны, продолжавшиеся целых восемь лет - вплоть до 1826 года. Последствия этой гражданской междоусобицы оказались крайне плачевными: созданное Ахмад-шахом государство развалилось на отдельные слабые эмираты - Кабульский (наиболее крупный и влиятельный), Гератский, Кандагарский и Пешаварский. Кроме того, на севере Афганистана образовался ряд самостоятельных узбекских и узбеко-таджикских ханств (Балхское, Кундузское и др.).

Глава 5. Борьба за Герат

Гражданская война на территории Афганистана облегчила англичанам и русским проникновение вглубь Азиатского континента. В конечном итоге, прямое столкновение между двумя соперничающими державами было неизбежно и оно действительно произошло из-за Гератского княжества - небольшого независимого владения между Персией и Кабульским эмиратом, - в результате чего данный конфликт получил название "гератского".

Кабульский эмир и персидские власти - каждый со своей стороны, - были заинтересованы в присоединении Гератского княжества к своим владениям. Главный город княжества, Герат, являлся важным торговым и ремесленным центром региона, а кроме того располагал сильной крепостью. Через Герат пролегали караванные пути от Гиндукуша из Индии в прикаспийские области Ирана и в среднеазиатские ханства - Хивинское и Бухарское.

Великобритания предпочитала, чтобы Герат оставался независимым или попал под власть Кабула, поскольку в дальнейшем надеялась захватить оба эти княжества на пути в Среднюю Азию. Россия же, в качестве контрмеры, поощряла стремление персов к захвату Герата, так как это могло сорвать британские планы и, при удачном стечении обстоятельств, открыть для русских заветный путь в Индию, о котором мечтал еще Петр.

После подписания в 1829 году мирного договора между Россией и Персией, поддерживаемый русскими шах Аббас-Мирза приступил к подготовке похода на Герат. Кстати, еще в 1816 году персам удалось на время овладеть этим городом, однако они довольно скоро были изгнаны оттуда восставшими афганскими племенами. Теперь же, с помощью русских, шах надеялся вернуть себе контроль над Гератским эмиратом. Однако планы персидского правителя были расстроены самим провидением: он умер, так и не осуществив задуманного похода на Герат. Лишь в 30-х годах внутривосточная обстановка в Персии вновь стала благоприятной для русских, и приготовления к походу возобновились.

Нетрудно догадаться, что все это время англичане также не сидели сложа руки. Считая нежелательным усиление независимого афганского государства, они попытались навязать кабульскому эмиру Дост-Мухаммаду договор против "третьих стран", дабы иметь повод для введения в Афганистан своих войск. Однако эмир неожиданно заартачился, потребовав в обмен на согласие не ввод английских войск, но деньги и оружие, а также - и это самое главное, - возврат Пешавара, потерянного им в 1823 году.

Глава 6. Ваххабиты пришли из Индии

О пешаварских событиях 20-х годов XIX столетия, сегодня уже практически забытых, следует рассказать несколько подробнее, поскольку они имеют прямое отношение к дальнейшей истории не только Афганистана, но также "неизвестно откуда взявшегося" ваххабизма, с которым сегодня сражаются на Кавказе российские войска. Начались они с того, что владыка Пенджаба, сикхский махараджа Ранджит Синг после покорения в 1818-19 годах Мультана и Кашмира (бывших дурранийских владений) приступил к захвату афганских земель на правом берегу Инда, и прежде всего Пешавара. Разбив афганцев под Наушерой, сикхи овладели Пешаваром и двинулись в другие долинные афганские земли между Индом и Сулеймановыми горами. Перед лицом внешней агрессии афганские племена сумели преодолеть внутренние раздоры и поступиться частью своих вольностей в пользу вождя, способного объединить и возглавить их в борьбе с сикхами.

Таким вождем стал человек по имени Сайид-Ахмад Барелви - глава действовавшей на территории Индии исламской фундаменталистской секты ваххабитов. В Индию, также как в Индонезию и Африку, учение Ибн Абд аль-Ваххаба, соответствующим образом преломляясь, приспособливаясь и трансформируясь, проникло из далекой Аравии. Известно, что проповедническая деятельность Барелви развернулась еще в начале XIX века. В 20-е годы он посетил Мекку, где познакомился с учением Ибн Абд аль-Ваххаба и стал его ревностным последователем. Вернувшись в Индию, он сделал своей резиденцией Патну, куда к нему стали стекаться толпы приверженцев: приспособленная к местным условиям, ваххабистская пропаганда находила широкий отклик среди индийских мусульман.

В 1824 году Сайид-Ахмад стал активным проповедником идей ваххабизма, после чего объявил себя лидером "джихада" - священной войны против неверных. Сконцентрировав в своих руках всю полноту как религиозной, так и светской власти, новый вождь назначил

на командные должности пришедших с ним из Индии соратников. Последние также составляли ядро войск, противостоявших сикхам. Местные жители согласились беспрекословно подчиняться ваххабитам и даже платили им, согласно исламской традиции, налог в виде десятой части доходов. В результате, Сайид-Ахмаду удалось нанести сикхам ряд серьезных поражений, и в 1830 году ему сдался Пешавар.

Здесь было провозглашено создание ваххабистского государства и даже начата чеканка собственных монет с изображением лидера "джихада". Расположенный на территории современного Пакистана, именно Пешавар уже в 80-х годах нашего столетия стал центром подготовки моджахедов, сражавшихся против советских войск в Афганистане.

Однако для самого Сайид-Ахмада захват Пешавара стал поистине пирровой победой. Дело в том, что на подчиненных ему афганских землях наблюдался интересный процесс, который уже в наше время с абсолютной точностью повторился на Северном Кавказе: местные муллы и ханы стали активно противиться засилью ваххабитов, которые ради чистоты ислама выступали за нарушение местных племенных и религиозных обычаев - "адатов" (с аналогичной проблемой столкнулись в прошлом веке на Кавказе имам Шамиль и его предшественники, кроторые, впрочем, не были ваххабитами). С устранением непосредственной опасности сикхского завоевания антиваххабитская агитация традиционного духовенства стала особенно действенной и, как следствие, в 1830 году произошла настоящая резня фундаменталистов. Самому Сайид-Ахмаду, правда, удалось бежать, однако год спустя он и его ближайшие помощники пали в сражении с сикхами. Именно разгром ваххабитов самими афганцами позволил сикхам восстановить свое господство над Пешаваром. На некоторое время усиление влияния исламских фундаменталистов в Афганистане было приостановлено.

ДЛЯ СПРАВКИ:

Отличительной особенностью населения Афганистана, - с древнейших времен и вплоть до наших дней, - является его невероятное этническое разнообразие, племенная раздробленность и наличие всевозможных языков и диалектов. На территории в 652,9 тысяч кв. км. (на 100 тысяч больше территории Франции и на 50 тысяч - больше Украины) проживает более 30 народов и огромное количество племен. Подобное этническое многообразие вызвано несколькими причинами. Прежде всего, стоит упомянуть географические особенности страны: горные массивы, разделяющие Афганистан на различные районы, часто труднодоступные, традиционно способствовали этническому, культурному и языковому разделению. Кроме того, постоянные, сменявшие друг друга завоевательные походы иноземных армий на территории Афганистана часто, приводившие к закреплению захватчиков на покоренных землях, превратили страну в пестрое скопление совершенно разнородных этнических элементов. И, наконец, традиционное положение Афганистана как особо важного транзитного региона международной торговли в значительной степени повлияло на этнический состав страны. Помимо купеческих колоний здесь расселялись многочисленные различные по происхождению проповедники и целые общины верующих разных религий.

В настоящий момент население Афганистана делится на три основные группы: ирано-язычные народы - расселены преимущественно в южной и северо-восточной частях страны; тюрко-язычные народы - северо-западная часть страны; народы индо-арийской языковой группы - на Востоке, на границе с Пакистаном.

Очень сложен характер расселения народов к северу от Гиндукуша, где многие сравнительно небольшие районы населяют сразу несколько народов.

Наиболее многочисленными являются три крупные этнические общности - пуштуны, таджики и узбеки, которые, к тому же, имеют наибольший исторический, культурный и политический вес. Фактически, вся новая и новейшая история Афганистана развивалась и продолжает развиваться на основе конфронтации между этими тремя этносами. Причем главным является противостояние пуштунов таджикам и узбекам. При этом пуштуны почти всегда сохраняли за собой доминирующее положение, выступая за консолидацию Афганистана под своим исключительным господством. Таджики же и узбеки, естественно, противостоят подобным пуштунским устремлениям. При этом периоды сотрудничества между ними сменяются ожесточенными столкновениями. Неотъемлемым и очень важным компонентом этой непрерывной вражды является религиозная идеология. Конфессиональная разобщенность вкупе с этнической значительно усиливает и без того глубокие противоречия. Все это, накладываясь на постоянно меняющиеся политические и экономические интересы различных группировок, племен и кланов, а также в условиях непрерывного вмешательства иностранных сил, обрекает на провал любую попытку физического вмешательства во внутренние дела Афганистана, что подтверждается неудачным опытом англичан и русских.

ДЛЯ СПРАВКИ:

Пуштуны - на сегодня самая многочисленная этническая общность Афганистана, составляющая чуть более половины всего населения страны. Разделены они на многочисленные племена ("каум" или "кабила"), которые в свою очередь подразделяются на родовые группы. Пуштунские племена образуют четыре основные племенные группы: сарбани, батани, гургушт и каррани. Крупнейшее из племенных объединений дуррани (из группы сарбани) и гильзаи (из группы батани).

Дуррани - населяют главным образом провинции Кандагар (Юг Афганистана, граничит с Пакистаном; административный центр - город Кандагар), Герат (северо-запад Афганистана; на западе - Иран, на севере - Туркменистан; административный центр - город Герат) и Фарах (запад Афганистана: на западе - Иран; административный центр - город Фарах).

Гильзаи - населяют районы Калат-и-Гильзаи и Газни.

Процесс формирования и расселения пуштунских племен за пределы Сулеймановых гор (восточная окраина Иранского нагорья - современный Пакистан, а северная часть в современном Афганистане) проходил в XI-XII веках. Расселяясь в равнинные районы, пуштуны ассимилировали значительную часть местного тюркского населения и к XIII веку практически окончательно сложились как отдельная народность.

Большинство пуштунов всегда были воинственными кочевниками, часто использовались в качестве наемников правителями соседних государств, в частности Ирана и Индии. Именно пуштуны, наравне с тюрками, составляли основу войска Гуридов, завоевавшего Северную Индию на рубеже XII-XIII веков. Также множество пуштунов служили в армии знаменитого Бабура, завоевавшего Индию в начале XVI века и основавшего династию Великих Моголов. Неприхотливые и воинственные, они считались отличными солдатами. Их охотно брали в свои войска и персидские шахиншахи.

Язык у всех пуштунских племен один - пушту, относящийся к восточно-иранской группе языков и насчитывающий около 20 племенных диалектов. По указу последнего Афганского монарха Захир-шаха от 1936 года язык пушту получил статус второго государственного (наравне с фарси-дари). После этого, во второй половине 30-х годов,

появился так называемый пан-афганизм, то есть пуштунский национализм, особо заметный в среде пуштунской интеллигенции, пытавшийся изобразить все население Афганистана пуштунами и навязать всем другим народам язык пушту (то, что сегодня делают талибы).

Первые пуштунские ханства на племенной основе стали играть заметную политическую роль в XVI-XVII веках. Хаттакское - близ Пешавара, Гератское и Гильзайское со столицей в Кандагаре (современная фактическая столица движения талибан).

С середины XVII века племена абдали (Герат) и гильзаи (Кандагар) оказались под властью Ирана. Вследствие этого пуштунские племена сыграли значительную роль в междоусобных войнах в Иране в начале XVIII века. В 1722 году они даже захватили Исфаган и были изгнаны персами лишь 7 лет спустя. Впоследствии их вновь подчинил себе персидский правитель Надир-шах, однако после его смерти пуштуны вторично захватили Восточный Иран.

На протяжении XVIII - первой половины XX века пуштуны расселились почти по всей территории современного Афганистана. Но все же районами их компактного проживания оставалась южная часть страны. А в большинстве северных районов они составляли относительное этническое меньшинство. В 1849 году англичане аннексировали Пенджаб, в результате чего некоторые территории, заселенные восточно-пуштунскими племенами, были включены в состав Британской Индии. В 1893 году Англия навязала афганскому эмиру соглашение, в соответствии с которым к Британской Индии (современный Пакистан) отходила большая часть земель пуштунских пограничных племен. Проведение разграничения по так называемой "линии Дюранда", также как и аннексия Пенджаба, послужило в дальнейшем причиной многократных осложнений и напряженностей в зоне обитания восточно-пуштунских племен, а затем (после 1947 года) и обострения отношений между Афганистаном и Пакистаном. С одной стороны ни одно правительство Афганистана XX века, вне зависимости от идеологической ориентации, не признало законность афгано-пакистанской границы, а с другой - Кабул неоднократно требовал от Исламабада предоставить пакистанским пуштунам право на самоопределение. Это, в свою очередь, усиливало антиправительственные настроения в среде последних и не раз приводило к вооруженным выступлениям под лозунгом борьбы за "независимый Пуштунистан". Исламабад, в свою очередь, пытаясь погасить сепаратистское движение собственных пуштунов, всегда стремился переключить внимание Кабула на внутренние проблемы, поддерживая с этой целью исламистскую оппозицию в 60-х - начале 90-х годов и создав отчасти с этой же целью пуштунское исламистское движение "талибан".

Большинство пуштунов относится к суннитскому направлению ислама. Часть их также является приверженцами суфийских орденов - главным образом кадирия и, в несколько меньшей степени, накшбандия. Небольшая часть пуштунов относится к секте шиитов-имамитов. Помимо этого, после принятия ислама пуштуны полностью не отказались от доисламских обычаев и традиционного права. Оно существует до сих пор наравне с шариатом в виде законодательного свода общеправового характера "Пуштун-вали" или "Нанг-и Пуштун" ("Путь пуштуна"). Кроме исключительно правового, Пуштун-вали имеет также и определенное идеологическое значение. Пуштуны руководствуются наравне как шариатом, так и Пуштун-вали, причем, как это ни парадоксально, во многих случаях между обоими системами встречаются различия и даже существенные противоречия.

Мусульманское духовенство традиционно занимает важную роль в жизни пуштунских племен, что особенно четко прослеживается в наши дни на примере создания и развития движения талибан. Особенно привилегированное положение имеют наследственные

группы "святых людей" из числа потомков пророка "сеидов". В общем, пуштуны являются ревностными и фанатичными мусльманами, сохраняя при этом немало домусульманских пережитков.

Глава 7. Тучи сгущаются

После того, как требования Дост-Мухаммада не были удовлетворены англичанами (а он, как уже говорилось, потребовал - в обмен на согласие подписать договор против "третьих стран", - деньги, оружие и возврат Пешавара), кабульский эмир установил контакт с российским агентом майором Виткевичем. Последний прибыл в Кабул по личному указу императора Николая I, повелевшего всеми силами добиваться заключения союзного договора между Россией, Ираном и Дост-Мухаммадом, направленного против британской Ост-Индской компании. При этом сам император Николай брал на себя роль гаранта выполнения условий подобного договора. Кабульский правитель был, в принципе, готов к союзу с русскими и, потому, Виткевичу удалось убедить его не предпринимать никаких действий во время готовившегося персидского похода на Герат. В обмен на сговорчивость Дост-Мухаммаду была обещана помощь против англичан в размере 2 миллионов золотых рублей и различных товаров на аналогичную сумму.

Николай I (с сайта kolibry.astroguru.com)

Дипломатический успех Виткевича - кстати сказать, поляка по происхождению, бывшего ссыльного за участие в польских событиях и блистательного востоковеда, - позволил персидской армии шаха Мохаммеда вторгнуться в Афганистан и осадить Герат. Произошло это в ноябре 1837 года. При этом персов консультировали русские военспецы, в частности полковник Симонич. Однако ни те, ни другие не учли возможностей действовавших в регионе агентов британской разведки. 23 ноября капитан Бомбейской армии Ост-Индской компании Элдред Поттер под видом афганца тайно проник в Герат в тот самый момент, когда персидские войска уже завершали блокаду города. Он предложил свои услуги гератскому главнокомандующему и, получив его согласие, так эффективно организовал оборону, что штурм персов, начавшийся одновременно в пяти местах, был отбит. В результате, после десятидневной осады персидская армия отошла от Герата, так и не добившись желаемого результата.

Однако англичане решили не останавливаться на достигнутом и перейти в контрнаступление на афганском направлении. Еще во время пребывания персов в Афганистане они предупредили шаха, что в случае занятия им Герата, дипломатические отношения с ним будут разорваны, и Британская империя будет вынуждена объявить Персии войну. Для усиления эффекта данной угрозы в Персидский залив была направлена британская военная эскадра, высадившая десанты в Бандар-Бушере (как раз там, где сегодня строится известный атомный реактор) и на острове Кхарг. Эта акция возымела желаемое действие: разочарованный военной неудачей и слабой поддержкой России, а также напуганный реальной перспективой столкновения с Британией, шах подписал в феврале 1839 года соглашение, обязавшее его вывести войска из Афганистана.

Глава 8. В парадном строю на Кабул

Падение Газни (с сайта [о первой англо-афганской войне](#))

Описанные выше события явились прелюдией к страшному кровопролитию, которое впоследствии нарекут [Первой англо-афганской войной](#). То было, по сути, первое в современной истории Афганистана вторжение европейской армии на его территорию, определившее дальнейшее развитие этой страны и явившееся одним из основополагающих факторов в формировании местного религиозного фундаментализма. Британские штабисты, планировавшие военные операции и всецело полагавшиеся на свой военный талант и мощь колониальной армии, не учли уроков прошлого. А ведь уроки эти наглядно свидетельствовали о том, что победить в Афганистане невозможно: пришедших сюда завоевателей ожидает изнуряющая бесконечная война в невообразимо сложных условиях, моральное разложение и, в конечном итоге, бесславное исчезновение армии.

Шах-Шуджа

Однако в период, о котором идет речь, до поражения было еще далеко. В июле 1838 года руководство Ост-Индской компании, опасаясь усиления русского влияния в регионе, подписало соглашение с сикхским махараджей Ранджитом Сингом (тем, что воевал с ваххабитами) и неким Шах-Шуджой, который ранее уже правил некоторое время в Афганистане и теперь должен был стать правителем-марионеткой этой страны. Одновременно, в преддверии подписания британо-персидского соглашения, был разработан план британского вторжения на территорию Афганистана для "защиты Герата от персидско-русской угрозы". На первом этапе эта акция должна была усилить впечатление от действий британской эскадры в Персидском заливе, - что и произошло в реальности, - однако в дальнейшем речь шла уже о попытке установить британский контроль над всей территорией Афганистана.

Итак, британская 21-тысячная армия под командованием сэра Джона Кина, состоявшая главным образом из индусов, перешла индо-афганскую границу в октябре 1838 года. Дальнейшие события поразительно напоминают первый этап Чеченской войны, которую российская армия будет вести на Кавказе почти 160 лет спустя. Подобно парадному шествию русских на Грозный в декабре 1994 года, в первой половине 1839-го британские полки двинулись на Кабул, будучи уверены в скорой победе. И действительно, поначалу им сопутствовал успех: в апреле был оккупирован Кандагар, 21-го июля пал Газни и, наконец, 7 августа главные силы британского экспедиционного корпуса вошли в поверженный Кабул.

Эмиром Афганистана был тотчас объявлен привезенный из Индии Шах-Шуджа, тогда как [Дост-Мухаммад](#) был вынужден бежать в северные районы страны, откуда тщетно взывал к российскому императору о помощи. Николай, однако, и не думал портить отношения с Лондоном из-за Афганистана, тем более, что в это момент России, якобы, представилась редкая возможность сблизиться с Великобританией в Ближневосточном регионе. То была, разумеется, лишь блестящая уловка британских дипломатов, переигравших своих русских коллег в "большой игре", ставкой в которой был Афганистан. Николай I отказался от своих первоначальных планов выхода к Индии. Более того: он совершенно неожиданно заявил, что все действия русских представителей в Афганистане во время Гератского конфликта явились следствием превышения полномочий со стороны Виткевича. В результате, российские военные инструкторы и дипломаты были срочно отозваны в Санкт-Петербург, а майор Виткевич, по возвращении на родину, был найден застреленным при неизвестных обстоятельствах в одной из столичных гостиниц. Все его бумаги оказались сожженными. Так бездарно и трусливо российские власти навсегда закрыли своей стране дорогу в Юго-Восточную Азию.

Между тем, так и не дождавшись помощи от русских, Дост-Мухаммад сдался британцам и был увезен ими в Индию. Теперь Великобритания, избавившись одновременно от своего главного противника в Центральной Азии, России, и основного претендента на афганский престол, попыталась подчинить себе Герат. Дипломатические усилия, однако, не увенчались успехом. Миссия посланного к гератскому хану майора Тодда потерпела фиаско. Хан, со своей стороны, обратился за помощью к своему бывшему заклятому врагу - иранскому шаху. Англичане решили было отправить в Герат военную экспедицию, однако к своему удивлению обнаружили, что сделать это не представляется возможным: к тому времени по всей стране уже развернулась "священная война" против неверных и на основных дорогах хозяйничали моджахеды.

Глава 9. Большая резня

Кровавые события, всколыхнувшие исламский мир в первой половине XIX века, особенно в 30-40-х годах, удивительно напоминали то, что происходит на его границах сегодня: на побережье Персидского залива хозяйничали фанатики-ваххабиты, в Алжире суфии-сенуситы начали активную проповедь против "неверных", на Северном Кавказе полыхала священная война "газават", а в мечетях Афганистана проповедники ежедневно и ежечасно взывали к сердцам правоверных, поднимая их на "священный джихад" против англичан и индусов. За всем этим, как и сегодня, угадывалась некая единая направляющая рука, что позволяет также предположить наличие реальной связи между тогдашними и нынешней вспышками исламского экстремизма.

В Афганистане проповедь "джихада" упала на благодатную почву. Жители городов и деревень, кочевники и дикие горцы со всех районов страны, собирались в партизанские отряды, готовясь к великой богоугодной войне. При этом в памяти многих из них еще свежи были события времен восстания ваххабитов, когда моджахедам удалось разбить войско сикхского махараджи. Мюриды суфийских орденов "кадирия" и "накшбандия", особенно могущественных в Афганистане, формировали самостоятельные многочисленные боевые отряды. И вот, наконец, подобно степному пожару, "джихад" вспыхнул на всей территории Афганистана. Первоначально моджахеды подчинили своему контролю все пути сообщения в стране, а затем принялись за города, в которых располагались британские гарнизоны. Ночью 2 ноября 1841 года многотысячная людская лавина захлестнула улицы Кабула. Возглавлял ее сын Дост-Мухаммада - Мухаммад Акбар-хан. Разъяренная толпа, вооруженная саблями, винтовками и просто дубинами, обрушилась с воплями "Аллах акбар!" на резиденцию Шах-Шуджи, здания британской миссии и дома сторонников марионеточной администрации. Горе-правитель был низложен, глава миссии А.Бернс растерзан толпой при попытке к бегству. Аналогичная участь ожидала в ту страшную ночь и многих других британских офицеров. Дислоцированный в Кабуле британский гарнизон, не ожидавший столь внезапной и столь мощной атаки, заперся в крепости Баллагиссар. Однако моджахеды захватили продовольственные склады, чем фактически обрекли защитников крепости на голодную смерть. Помимо этого, англичане не имели достаточных запасов топлива и жестоко страдали в условиях наступившей необычайно снежной и холодной зимы.

В конце-концов, запертый в крепости секретарь по иностранным делам при генерал-губернаторе Ост-Индской компании Макнатен подписал с руководителями восстания договор о выводе всех британских войск из Афганистана и об отказе от дальнейшей поддержки Шах-Шуджи. В действительности же Макнатен желал лишь выиграть время и дожидаться прибытия подкрепления из Индии. Во время очередного раунда переговоров он попытался склонить Акбар-хана на сторону англичан, попросту подкупив его. Не долго

думая взбешенный предводитель восстания застрелил Макнатена из пистолета, после чего в ультимативной форме потребовал от британцев убраться из страны.

Гарнизон крепости под командованием престарелого генерал-майора Эльфинстона был вынужден подчиниться. Оставив моджахедам практически всю артиллерию, 6 января 1842 года британский отряд из 4500 тысяч солдат и офицеров, а также 12 тысяч носильщиков и погонщиков спешно покинул Кабул, двигаясь в направлении индийской границы. А неделю спустя часовые-индусы, несшие вахту на стенах Джелалабада, заметили внизу ползущего окровавленного человека в лохмотьях, бывших некогда мундиром офицера британской армии. То был, как выяснилось впоследствии, доктор Брайдон - единственный чудом оставшийся в живых человек из всего многотысячного кабульского гарнизона. Он-то и поведал о страшной резне, учиненной афганскими моджахедами 13 января в Хорд-Кабульском горном проходе. Так бесславно завершился поход британского экспедиционного корпуса на афганскую столицу, начинавшийся под бравурные звуки парадных маршей. А в начале апреля был убит Шах-Шуджа. Его зарезал один из его же родственников, пожелавший снять с семьи тяжкое обвинение в сотрудничестве с "неверными".

Тем не менее, в августе того же 1842 года ничему не наученные предыдущим поражением англичане предприняли новую попытку установить контроль над Афганистаном. Вторгшись в страну, они на короткий срок вновь овладели Кабулом, подвергнув репрессиям его жителей. Однако и на этот раз из идеи покорения Афганистана ровным счетом ничего не вышло. Моментально возобновившееся мощное партизанское движение изматывало ограниченные британские силы, и руководство Ост-Индской компании приняло решение о том, что дальнейшее пребывание экспедиционного корпуса на афганской территории невыгодно и опасно. В результате, в декабре англичане покинули Афганистан, позволив Дост-Мухаммаду вернуться на кабульский престол.

Глава 10. Неудавшийся реванш

Тем не менее геополитические интересы Великобритании настоятельно требовали от нее подчинения Афганистана если не непосредственной власти, то по крайней мере жесткому контролю со стороны империи. Осознавшая ошибки прошлого и прочно закрепившаяся в Средней Азии Россия вновь могла создать реальную угрозу британскому правлению в Юго-Восточной Азии. Во время так называемого Берлинского конгресса, стремясь оказать давление на англичан, русские разместили на границе с Афганистаном 20 тысяч солдат, а в Афганистан прибыла военно-дипломатическая миссия генерала Столетова. Если учесть, что одновременно в 1878 году русские помогли персидскому шаху Наср ад-Дину создать конный корпус наподобие казачьего, можно понять сколь пошатнулись британские позиции в регионе.

Реакцией британского правительства стало начало Второй Афганской войны. В ноябре 1878 года британские войска тремя колоннами под общим командованием генерала сэра Фредерика Слея Робертса выступили из Индии и, преодолевая упорное сопротивление афганцев, в течение двух месяцев заняли Джелалабад, Курамскую долину, Кандагар и начали поход на Кабул. В декабре преемник Дост-Мухаммада Шер Али-хан потерпел поражение под Пейвар-Коталом и бежал в Россию, пытаясь получить аудиенцию у российского императора. Однако русским не наделенный реальной властью экс-правитель был более не нужен: Али-хана даже не пустили в Санкт-Петербург, и в начале 1879 года он скорострительно скончался.

То была очередная непростительная ошибка российской дипломатии. Уже в мае сын покойного Али-хана Якуб-хан подписал с Великобританией мирный договор, содержащий весьма существенное условие: отныне все внешние сношения Афганистана должны были осуществляться через британские власти в Индии. Резидентом в Кабуле был назначен сэр Льюис Каванари.

Появление англичан в Афганистане привело к возрождению партизанского движения. В начале сентября 1879 года в Кабуле вспыхнуло антибританское восстание, и Каванари вместе с другими находившимися в афганской столице англичанами был убит. Сразу вслед за этим лидеры повстанческого движения потребовали от Якуб-хана объявить священный "джихад", однако он колебался и в конце-концов сдался подошедшему из Кандагара карательному отряду генерала Робертса.

Тем временем движение моджахедов продолжало набирать силу. К концу 1879 года британские отряды во многих местах оказались заперты в крепостях, причем снабжение их было нерегулярным из-за нападений афганцев на обозы интендантской службы. Положение британского контингента усугублялось также начавшимся мощным восстанием пуштунских племен на границе с Индией.

Значительных успехов в борьбе с англичанами добился племянник Шер Али-хана Абд ар-Рахман. В начале 1880 года он во главе многочисленного войска вторгся в Северный Афганистан из Средней Азии. У царского правительства, несмотря на многочисленные дипломатические "проколы", хватило все-же ума не влезать в Афганистан. Зато оно щедро снабдило оружием и деньгами Абд ар-Рахмана. Результатом его военных успехов стало признание его англичанами эмиром Кабула. Новый правитель, со своей стороны, подтвердил зависимость Афганистана в вопросах внешней политики и уступил Британской империи район Кандагара. Однако далее произошло то, что обычно отличает подобные войны: особенно фанатично настроенные лидеры отдельных отрядов, - как сегодня сказали бы, "полевые командиры", - отказались признать договор с англичанами и продолжили боевые действия по собственной инициативе. Кстати, совершенно аналогичная ситуация наблюдается сегодня в Чечне, где Шамиль Басаев и Хаттаб не подчиняются указам президента Масхадова.

Одной из наиболее ярких побед во время Второй Афганской войны моджахеды добились при Майване. Здесь не сложившийся брат Якуб-хана Айюб-хан во главе войска из 25 тысяч моджахедов столкнулся 27 июля 1880 года с бригадным генералом Берроузом. В ходе сражения британская артиллерия израсходовала все боеприпасы, после чего Айюб-хан, обойдя противника с фланга, заставил дрогнуть и обратиться в бегство набранный в Бомбее туземный полк. И хотя английский 66-й пехотный полк сражался исключительно мужественно, один из его батальонов был окружен и практически полностью уничтожен афганцами. Оставшиеся в живых англичане укрылись в Кандагаре. В этом сражении они потеряли 971 человека убитыми и ранеными - потери огромные даже для того времени.

В конечном итоге, несмотря на усмирение Айюб-хана и других лидеров "джихада", британцы приняли решение вывести свои войска из Афганистана. Не последним аргументом при принятии столь болезненного для империи решения стали колоссальные потери при Майване. После бесславного ухода британцев в 1881 году, в стране разразилась гражданская война - ситуация аналогичная той, что впоследствии имела место после вывода советских войск в 1989 году. Кабульский эмир Абд ар-Рахман нанес сокрушительное поражение фанатичному Айюб-хану (бежал в Персию) и затем сумел установить в Афганистане жесткое централизованное правление.

Глава 11. Родившие бурю

Мавзолей 15 века в Герате (фото www.afgha.com)

Ущерб, причиненный Афганистану обоими английскими вторжениями, оказался столь значительным, что последствия его реально ощутимы вплоть до сегодняшнего дня. Непомерные и невозполнимые на протяжении длительного времени затраты материальных и человеческих ресурсов привели к катастрофическому упадку экономики страны и всеобщему обнищанию населения. Фактически, афганское общество оказалось отброшено в своем развитии назад даже не на десятилетия, но на целые столетия. Подобные условия, как известно, являются идеальными для появления экстремистских идеологий и усиления их влияния в любом обществе. Не стал исключением и Афганистан. Уже в ходе Первой Афганской войны основным ее катализатором становится исламский фундаментализм, носители которого впоследствии чрезвычайно быстро превращаются в мощнейшую и, главное, прекрасно организованную политическую силу.

В принципе, чрезвычайно быстрое становление афганского религиозного экстремизма было вполне закономерным, поскольку произошло не на пустом месте. На протяжении многих столетий мусульманское духовенство занимало важнейшие позиции в разноплеменном афганском обществе, являясь, по сути, единственным его объединяющим фактором. При этом следует также учитывать то обстоятельство, что обеим англо-афганским войнам предшествовала гражданская война 1818-1826 годов, в результате которой авторитет и, следовательно, реальная власть центрального правительства оказались практически на нуле. Традиционная раздробленность страны на отдельные районы, часто полностью независимые от Кабульских эмиров, и общая внутренняя деконсолидация афганского общества лишь усилились, лишив страну единого дееспособного руководства. В этих условиях мусульманская суннитская элита, "улама", а также главы суфийских орденов, превратились в единственный фактор, располагающий реальным политическим и военным потенциалом. В результате, влияние религиозных кругов на определение будущего страны оказалось неограниченным. После окончания войн религиозные лидеры превратились в единую силу, способную организовать успешное противостояние не только иностранной интервенции, но и центральному афганскому правительству. Именно силовое противодействие между двумя этими властными структурами - клерикальной и центрально-административной, - определяло дальнейший ход истории Афганистана вплоть до 70-х годов XX века, когда оно, достигнув своего апогея, вылилось в открытый вооруженный конфликт между официальными властями и ультрарадикальной исламской оппозицией.

Таким образом, именно иностранная интервенция XIX века, вызвавшая бурную религиозную реакцию, послужила первопричиной усиления исламского радикализма и даже фанатизма, превративших Афганистан в конце XX века в фундаменталистское государство. Более того: именно ненависть ко всему, что связано с "гяурами" - "неверными", породила острое неприятие подавляющей частью общества любых привнесенных извне идей и основанных на них преобразований. Последние неизменно рассматривались как богопротивные и наталкивались на мощнейшее сопротивление, имевшее религиозную подоплеку.

Глава 12. "Джихад" заказывали?

Лоуренс Аравийский (фото www.peoples.ru)

Однако искушенные в большой дипломатии британцы сумели извлечь выгоду даже из казалось бы столь неблагоприятного для них развития внутривосточной ситуации в Афганистане. На основе анализа обеих Афганских войн они совершенно ясно определили огромное значение ислама в политической активности центрально-азиатских народов, в особенности пуштунов, таджиков и узбеков. Испытав на собственной шкуре силу "священного джихада", британцы впоследствии искусно использовали его для достижения своих целей не только в Афганистане, но также в северо-западной Индии (современный Пакистан) и в Центральной Азии - как против царской России, так и против советского государства. Одновременно именно при помощи фундаментализма им удалось, наконец, обезопасить Индию от воинственных пуштунских племен Пенджаба (восстание которых длилось, между прочим, аж до 1897 года), направив их разрушительную энергию против самих афганских эмиров (особенно в конце 20-х годов уходящего столетия). Таким образом, универсальное оружие "священного джихада" позволило Лондону успешно вмешиваться во внутреннюю афганскую политику - смещать чрезмерно строптивых лидеров и возводить на престолы правителей-марионеток. Известно, что наивысших ступеней мастерства в этом искусстве интриги достиг легендарный британский разведчик Лоуренс, прозванный Аравийским. Немногим известно, что сфера его интересов не ограничивалась одним лишь Ближним Востоком, но достигала хребтов Гиндукуша. Здесь он действовал под именем Пир-Карам-шаха. С ловкостью персидского факира манипулировал британец священными для мусульман понятиями, доводя их до иступления. Сам Лоуренс, как известно, погиб при загадочных обстоятельствах в мае 1935 года, однако накопленный им опыт не остался невостребованным и очень пригодился уже 12 лет спустя при разделе бывшей Британской Индии по религиозному признаку на два государства - собственно Индию и Пакистан.

Попытались англичане использовать "священную войну" и против России с тем, чтобы максимально осложнить закрепление русских в Средней Азии. Стоит учесть, что выход российских войск в конце 70-х годов XIX века к границам Афганистана и китайского Синцзяна породил совершенно новую геополитическую ситуацию в регионе. Власти Британской Индии почувствовали реальную опасность и стали действовать весьма решительно. Перманентная экономическая слабость Российской империи и полное отсутствие у руководящих чинов какой-либо дипломатической фантазии, - в результате чего для подчинения среднеазиатских пространств использовались исключительно силовые методы, - создали благоприятную почву для брошенных британскими эмиссарами семян антирусских религиозных настроений. Однако тогда, как и сегодня, религиозное брожение в Средней Азии активно подпитывалось деньгами, оружием и добровольцами из соседнего Афганистана, благо и здесь, и там проживают таджики и узбеки и действуют одни и те же суфийские ордены. В результате, конец прошлого столетия в Средней Азии ознаменовался рядом религиозных восстаний, наиболее мощными из которых стали Кокандское (1873-76), Бухарское (1888), Ташкентское (1892) и Андижанское (1898).

Своего апогея данная политика достигла уже в 20-е - 30-е годы XX столетия, когда англичане с территории Афганистана активно поддерживали басмаческое движение и некоего Джунейд-хана при помощи местных суфиев. Кстати, о Джунейд-хане. Армия его не являлась регулярной и была набрана большей частью из джигитов-туркмен. Их вооружение состояло в основном из старинных охотничьих ружей и сабель, что, впрочем, не мешало им вести активную партизанскую войну против регулярных частей Красной армии. Несмотря на ряд серьезных поражений, Джунейд-хан так и не был пойман большевиками и ушел за границу - в Афганистан. Другими "клиентами" англичан были

Мухаммед-Амин-бек Ахметбеков с его "Мусульманской народной армией" и Бухарский эмир Сейид-Алим. Первый впоследствии перешел на сторону "красных", а второй был разгромлен Фрунзе и бежал из родной Бухары все туда-же - в Афганистан. Примечательно, что свой уже фактически потерянный эмират он совершенно официально передал в подданство не кому-нибудь, но Британской империи.

Впрочем, сфера влияния Афганистана, как центра, откуда осуществлялась именно религиозная экспансия на север, не ограничивалась исключительно Средней Азией. Так, тщательное изучение обстоятельств религиозных волнений в Казанской губернии в 1878-79 годах позволяет проследить наличие связи с более ранними волнениями 1873-76 годов в Коканде. И в том, и в другом случае активную роль в разжигании антирусских настроений сыграли суфии. Именно поэтому нет ничего удивительного в том, что сегодня именно из Татарстана поступает значительное число новобранцев в ряды группировок Басаева и Хаттаба. Наши коллеги - журналисты российского телевидения, удивленно повествующие о деятельности медресе в Набережных Челнах, наверняка узнали бы много поучительного, потрудись они изучить историю ислама в татарской земле. И, кстати, наверняка обнаружили бы связь татарских и северо-кавказских суфиев, существовавшую уже в прошлом веке. Есть все основания полагать, что именно через суфийские ордена намеревались англичане возмутить мусульманское население Российской империи, поколебав ее таким образом до самого основания. Некая светлая голова в Лондоне уже на исходе прошлого века догадалась, что для ослабления России и вытеснения ее из Европы необходимо всего-то навсего организовать отделение среднеазиатских владений, а дальше огромное европейское по форме, но азиатское по содержанию государство рухнет, подобно колоссу на глиняных ногах. На рубеже XIX и XX веков осуществить сей грандиозный план не удалось. Однако британцы не зря отличаются консерватизмом во всем, в том числе и во внешней политике. Гениальную идею в буквальном смысле "законсервировали" (но отнюдь не забыли) на какой-то архивной полке до лучших времен, которые и наступили уже в конце 70-х годов, когда выжившее из ума советское руководство поддалось на провокацию, ввязавшись в войну не где-нибудь, а именно в Афганистане. Сложно сказать, предвидели ли патроны афганских моджахедов уже тогда возможность сбоя в разработанной ими программе и вышел ли в дальнейшем "священный джихад" из под их контроля. Одно несомненно: исламская экспансия с территории Афганистана на север - через Чечню, Дагестан, Таджикистан и Татарстан, - совершенно реальное явление, корни которого уходят в описанные афганские события прошлого века.

Глава 13. Верните чадру!

Впрочем, исторической справедливости ради следует отметить, что влияние англичан на афганское духовенство не было явным, так что связи обеих сторон проявлялись далеко не всегда и не везде. Это приводило к тому, что отношения Британской Индии и Афганистана, вне всякой зависимости от тайной дипломатии, могли быть крайне натянутыми и даже перерасти в вооруженные конфликты, как это случилось, например, в мае 1919 года. Причиной столкновения стало вызывающее поведение эмира Амманулы-хана. Последний, придя к власти в том же году, объявил начало "священного джихада" против Великобритании и активно подстрекал пенджабских пуштунов к восстанию. Взбешенные англичане ввели на месяц войска в Афганистан, однако, не добившись существенных военных и политических результатов, ретировались, признав независимость этой страны, в том числе и в вопросах внешней политики.

Между тем, афганское духовенство, первоначально поддержавшее нового эмира, очень быстро превратилось в активную оппозицию. Особое недовольство клерикалов вызвало

проведение реформ, навешанных новаторскими начинаниями Ататюрка в Турции - запрет многоженства и браков с несовершеннолетними, отмена обязанности носить чадру, а также открытие женских школ и ликвидация контроля духовенства над просвещением. Первые волнения вспыхнули в 1923 году в Хазараджате. А в марте 24-го под влиянием мощнейшей религиозной пропаганды восстали пуштунские племена на юго-востоке страны. Известно, что к организации восстаний приложила руку и британская агентура. Недовольство ортодоксальных религиозных кругов было использовано британцами против самого же эмира Амманулы. Последнему удалось подавить ряд крупных антиправительственных выступлений, однако оградить саму армию от влияния фундаменталистской пропаганды он не смог. Не помог даже запоздалый приказ всем солдатам и офицерам... вступать в суфийские ордены. В результате, режим Амманулы-хана оказался на грани краха. Детонатором же страшной силы взрыва народного гнева стало принятие закона об обязательном ношении в Кабуле европейской одежды. В это же самое время поисками "достойной" замены эмиру занимался Пир-Карам-шах - он же Лоуренс Аравийский, заблаговременно прибывший в приграничные районы Индии. В короткий срок он отыскал авантюриста в своем духе - некоего Бачаи Сакао, таджика, уроженца Панджшерской горной долины. Хитрый вождь и талантливый стратег, Сакао получил деньги и оружие в пакистанском городе Пешаваре. Именно здесь спустя всего пять десятилетий будет находиться один из самых главных центров подготовки афганских моджахедов и добровольцев со всего исламского мира для борьбы с советскими войсками. Тогда же, в 1929 году, фаворит Лоуренса Бачаи Сакао, вернувшись из Британской Индии, с ходу осадил и захватил Кабул. Реформы были окончательно похоронены, привилегии духовенства и власть исламского законодательства, шариата, полностью восстановлены.

Однако и Сакао не долго продержался у власти, став жертвой межэтнических разногласий между таджиками и пуштунами. Последние не собирались ни поддерживать чужака, ни подчиняться ему, и, в результате, его правление длилось чуть более 9 месяцев. В конце все того-же 1929 года совместными усилиями пуштунских вождей, руководства ордена Некшбандия и, разумеется, англичан власть в Афганистане перешла к пуштуну Надир-шаху.

ДЛЯ СПРАВКИ: Суфийские ордены - имеют в Афганистане прочнейшие позиции и огромное влияние наряду с суннитской ортодоксией. При этом, лидерство принадлежит двум орденам - Кадирии и Некшбандии. Первый попал в Афганистан из Индии, где утвердился в XVII веке. Известно, что после Первой мировой войны из Багдада в район проживания пуштунских племен прибыл человек по имени Наджиб Гайлани, целью которого являлось усиление позиций Кадирии на территории Афганистана.

Что же до Некшбандии, то она проникла в Афганистан из Бухары - родины ордена. В начале XIX века потомок некшбандийского реформатора Сирхинди, выдающийся духовный лидер ордена Муджадиддин Алф-е Тани, переехал из Индии в Афганистан и поселился в Кабуле.

Оба ордена, Некшбандия и Кадирия, в описываемый период имели весьма разветвленную международную структуру. Однако деятельность их концентрировалась вокруг ограниченного числа широкоизвестных и популярных в народе святынь, являвшихся объектами массового паломничества. И это несмотря на то, что официальная ортодоксия, "улама", рассматривает культ святых и священных мест как еретический.

ДЛЯ СПРАВКИ: Таджики - составляют вторую по численности этническую группу Афганистана, являясь при этом коренным земледельческим населением страны. В формировании данного этноса принимали участие многие древние народы Центральной и

средней Азии - бактрийцы, согдийцы, саки и другие. Окончательно же таджикская народность сформировалась к IX - X векам, когда население древней Бактрии и Согда, говорившее до этого на восточно-иранских языках, перешло на единый язык фарси (дари), относящийся к западно-иранской группе. До монгольского нашествия XIII века таджики населяли все крупнейшие оазисы к северу и к югу от Гиндукуша.

История афганских таджиков была традиционно тесно связана не только с центральным и северным районами современного Афганистана, но и с Южным регионом Средней Азии. Большая часть таджикских земель современного северного Афганистана была включена в состав Дурранийской державы еще ее основателем Ахмад-шахом. Начиная с тех времен, пуштунские правители почти всегда были вынуждены считаться с многочисленным таджикским населением страны. В принципе сама афганская монархия была символом и воплощением фактического пуштуно-таджикского союза - пуштунская по происхождению, таджикская по языку (до 1936 года фарси был единственным официальным языком) и, отчасти, по культуре. К тому же в 1776 году столица Афганистана была перенесена из пуштунского Кандагара в центральную часть страны, в преимущественно таджикский Кабул.

Уже в первой половине 90-х годов XX века (до подъема движения талибан) таджики наряду с другими народами жили в значительном количестве практически во всех провинциях Афганистана. При этом сохранялись три крупных района с компактным таджикским населением: Гератский оазис, долины рек Панджшера, Горбенда и Саланга по южным склонам Гиндукуша, а также горная провинция Бадахшан на крайнем северо-востоке страны. Как раз в соответствии с расселением таджики делятся на две основные группы: первая - равнинные таджики, вторая - горные. Равнинные относительно рано оказались подчинены пуштунским монархам. Длительное время проживания в инородной среде стерло многие различия между ними и представителями других народностей. Большинство из них сунниты, что также сближает их с пуштунскими единоверцами. В следствие этих причин равнинные таджики традиционно лояльно относились к пуштунским правителям, а порой даже выступали в качестве военной опоры режима - как, например, в 1924-25 годах, когда эмир Аманулла использовал воинские части таджиков при подавлении пуштунского восстания в Хосте, на юго-востоке страны.

Горные же таджики по многим параметрам значительно отличаются от своих равнинных соплеменников. Они очень свободолюбивы и крайне воинственны, способны десятилетиями вести непрерывные войны против любого, кто посягнет на их свободу. Не случайно районы проживания горных таджиков всегда были очагами бескомпромиссной войны. Древние их предки - бактрийцы и согдийцы, - мужественно сражались с армией Александра Македонского, развернув широкомасштабную партизанскую войну с опорными базами в труднодоступных горных районах южного Таджикистана и северного Афганистана. А в 80-х годах XX столетия горные таджики также ожесточенно воевали против советских войск, используя те же методы партизанской борьбы. Более того: даже в конце 90-х годов, после подчинения талибами практически всей территории Афганистана, контролирующей хорошо укрепленное Панджшерское ущелье полевой командир Ахмад Шах Масуд имеет самую боеспособную во всей стране пехоту, состоящую главным образом из горных таджиков.

Здесь также следует отметить, что многие современные таджики северного Афганистана являются потомками воинственных басмачей. Интересно также, что в религиозном отношении горные таджики делятся на суннитов и шиитов, а в Бадахшане они принадлежат преимущественно к исмаилитской секте низаритов.

Глава 14. Конец «золотого века»

Надир-шах ([Afghans in Australia](#))

Короткий, всего четырехлетний, период правления Надир-шаха (с 1929 по 1933 год) сыграл огромную роль в современной афганской истории и отличался в первую очередь усилением исламского фактора во внутренней политике одновременно с беспрецедентным даже для Афганистана укреплением позиций духовенства. Именно при Надир-шахе основой законодательства стал шариат, а также был основан "Совет улемов" - "Джамаат-е улама", в обязанности которого входили законотворчество и контроль за выполнением религиозных предписаний всеми правительственными учреждениями. Активно контролировали на предмет религиозной благонадежности и население страны. Этим занималось специальное Министерство контроля - "Уазират аль-ихтисаб", особенно ревностно боровшееся с потреблением запрещенных в пищу продуктов и алкоголя. Начавшийся таким образом процесс превращения Афганистана в фундаменталистское государство завершился в 1931 году принятием новой конституции. Первая ее статья провозглашала официальной религией в стране суннитский ислам ханифитской школы (надо отметить - наиболее умеренной из всех четырех школ исламского законодательства). Государственное образование передавалось отныне в руки духовенства, избирательным правом наделялись исключительно мужчины. То был поистине "золотой век" афганской мусульманской ортодоксии, достижения которого уже в 90-е годы послужили моделью для идеологов движения "талибан". Однако он закончился совершенно неожиданно: 8 ноября 1933 года Надир-шах был убит. Это событие совпало с началом трагического периода в истории всего человечества: несколько ранее, в январе того же года, в далекой Германии пришел к власти новый канцлер Адольф Гитлер, а в марте японская армия завершила вторжение во Внутреннюю Монголию. В воздухе уже пахло будущей мировой войной, и расположенному в самом центре Азиатского континента Афганистану предстояло превратиться в арену столкновения интересов крупнейших держав. В свою очередь, подобное развитие ситуации не могло не оказать определенного влияния на местные клерикальные круги и, таким образом, на процесс формирования афганской версии исламского фундаментализма.

Глава 15. Муллы фюрера

Преемник Надир-шаха на афганском престоле, его сын Мухаммад Захир-шах (которому в момент гибели отца было всего 19 лет), оказался не в состоянии преодолеть традиционную для афганской внутренней политики раздробленность и, в результате, 30-е годы прошли под знаком противостояния двух основных лагерей - сторонников модернизации и консерваторов. Последний лагерь состоял преимущественно из духовенства и формировался вокруг уже упоминавшегося "Совета улемов". Его члены выступали за сохранение традиционных форм правления и юрисдикции, основанных на шариате, а также против любых преобразований и реформ западного образца.

Тем временем, внутренняя ситуация в Афганистане стала объектом пристального внимания со стороны Берлина. В своем маниакальном стремлении к мировому господству Гитлер вынашивал далеко идущие планы, в которых Афганистану отводилось весьма важное место. Впоследствии, уже после Второй мировой войны, один из асов германской дипломатии и эксперт по ближневосточной политике Вернер-Отто фон Хентиг признает:

"Афганистан в те годы занимал особо интересное положение, находясь как бы в "подбрюшье" советской Средней Азии. Из Афганистана можно было предпринять много против советских республик. От Афганистана недалеко до Индии. Для руководителей третьего рейха Индия была одной из важных целей. Начальник Генштаба Ф.Гальдер отдал приказ о подготовке военной операции против Индии еще 17 февраля 1941 года".

Приказ о начале планирования операции по выходу к границам Индии путем захвата Афганистана исходил от самого фюрера. В апреле 1941 года, незадолго до нападения на Советский Союз, германский Генштаб доложил Гитлеру о завершении черновой работы над данным планом. А 11 июня 1941 года Верховное главное командование вооруженных сил Германии (ОКВ) и Главное командование сухопутных войск (ОКХ) издали специальную директиву за номером 32, гласившую:

"После достижения целей операции "Барбаросса" дивизии вермахта должны будут вести борьбу против британских позиций на Средиземном море и в Передней Азии путем концентрической атаки из Ливии через Египет, из Болгарии - через Турцию, а также, в зависимости от обстановки, из Закавказья - через Иран".

Таким образом, уверенные в грядущем успехе блицкрига на Восточном фронте немцы готовились уже к осени 1941 года создать базу для операции в Афганистане, откуда они могли бы угрожать Индии - в то время еще сердцу Британской империи. С традиционной немецкой педантичностью был разработан план под кодовым названием "Аманулла", который предусматривал мероприятия по обеспечению похода германских войск в Афганистан и далее в Индию. Частью плана являлась подготовка мощного антианглийского восстания индийских мусульман, которое должно было вспыхнуть при появлении солдат вермахта у индийской границы. Для работы с местным населением Афганистана и Индии предполагалось выделить значительную часть "войсковых мулл", готовившихся в Германии под бдительным надзором знаменитого муфтия иерусалимского Хадж Амина аль-Хусейни. Одновременно немецкая военная разведка "абвер" в Афганистане активно работала с представителями среднеазиатской эмиграции, особенно с бывшими басмачами, - традиционно настроенными крайне экстремистски в религиозном плане. Еще в 1938 году Кабулу был предоставлен беспроцентный кредит на закупку в Германии вооружения и боеприпасов. Немецкая разведка использовала положение в своих интересах и, в частности, связанные с ней племена на индийской и советской границах получили часть германского оружия. При этом работавшие в Афганистане немцы неустанно подчеркивали, что являются посланниками фюрера, борющегося против исконных врагов ислама - России и Великобритании.

Глава 16. Подарок из Каира

История, однако, распорядилась иначе, нежели на то рассчитывали в Берлине. Грандиозные немецкие планы похода на Индию потерпели крах после сокрушительного поражения на Волге и особенно после разгрома частей вермахта на Курской дуге. Теперь берлинским стратегам было уже не до вторжения в Центральную Азию, влияние германской разведки в Афганистане пошло на убыль, и многие ее агенты были при помощи советских "коллег" выдворены за пределы страны. Поддержка исламских экстремистов немцами, таким образом, прекратилась.

Захир-шах

Однако фундаменталистский ислам продолжал занимать ведущие позиции во внутренней афганской политике и даже развивался, несмотря на благие намерения Захир-шаха провести ряд чрезвычайно необходимых реформ - прежде всего в области образования, в экономике и в армии. В 1944 году правительство основало школу для изучения законов шариата, которая шесть лет спустя была преобразована в теологический факультет Кабульского университета. Именно тогда установилось прочное сотрудничество между данным учебным заведением и знаменитым на весь исламский мир теологическим университетом Аль-Азхар в Каире. Значение этого шага трудно переоценить, поскольку благодаря ему подготовка теологических кадров в Афганистане вышла на качественно иной уровень, а кроме того, установились гораздо более тесные контакты между афганскими и египетскими фундаменталистами. Последнее обстоятельство, в свою очередь, позволило проникновение в Афганистан идей знаменитого основателя и лидера египетской "Ассоциации братьев-мусульман" Хасана аль-Банни, которые в местной ультраортодоксальной среде дали вскоре весьма обильные всходы.

Дауд-хан (www.afghan-web.com)

Между тем антиклерикально настроенная оппозиция перешла к более активной борьбе за свои идеалы, выступая с резкой критикой в адрес духовных авторитетов за их консерватизм и средневековый фанатизм. На этом фоне обострившихся противоречий в обществе в сентябре 1953 года к власти в стране пришло правительство Мухаммада Дауд-хана - двоюродного брата Захир-шаха и в прошлом командира кабульского гарнизона афганской армии. Своей наиглавнейшей задачей новый премьер считал модернизацию и укрепление вооруженных сил страны. А поскольку Пакистан, отношения с которым в тот период как-раз обострились из-за проблемы пуштунских земель, активно сотрудничал с США, официальный Кабул обратился за помощью к Москве. Ответ Кремля оказался положительным и очень скоро, в середине 1956 года, в Афганистан потекла рекой советская военная помощь - самолеты, оружие и амуниция. Затем в Кабульской военной академии появились говорящие по-русски преподаватели, а в армейских частях - советские же военспецы. При этом многие афганские офицеры отправлялись на обучение премудростям военной науки в Советский Союз.

Одновременно с преобразованиями в военной области Дауд-хан принялся за проведение ряда далекоидущих реформ в экономике и системе общего образования. То, однако, был прямой вызов религиозной ортодоксии, открыто осуждавшей нового премьера за связи с Москвой. "Совет улемов", отношения с которым у Дауд-хана не сложились с первых же дней его пребывания у власти, организовал широкомасштабную антиправительственную кампанию, направленную на свертывание реформ. В пятничных проповедях мулл зазвучали гневные проклятья в адрес самого премьера и его ближайшего окружения. В ответ были репрессированы 50 ведущих духовных лидеров и развернутая ими агитация моментально прекратилась. В буквальном смысле слова разжиревшие при Надир-шахе улемы вовсе не собирались самолично сражаться за принципы веры против многочисленной, хорошо организованной и вооруженной армии Дауд-хана. В основном это было старое поколение клерикалов, которое после подобного позорного отступления потеряло всяческое влияние на дальнейшее становление и деятельность фундаменталистского движения. Кстати, совершенно аналогичный процесс несколько позже будет иметь место и в Египте, когда в 1966 году Насер казнит руководство "Ассоциации братьев-мусульман" и, в том числе, ее знаменитого идеолога Саида Кутуба. Как и в случае с египетскими фундаменталистами, в Афганистане инициатива полностью перешла к молодежи, которая, не удовлетворяясь деятельностью в традиционных структурах, приступила - не без египетского влияния, - к созданию многочисленных новых экстремистских группировок.

Глава 17. Кузница фанатиков

Общий вид Кабула (www.afghan-web.com)

Основным центром деятельности молодых афганских фундаменталистов стал в тот период Кабульский университет. Подобно парламенту, он являл собой центр межплеменных и межконфессиональных контактов, поскольку из 3000 его студентов (на 1962 год) половину составляли выходцы из провинций. И, подобно парламенту, университет был эпицентром раздиравших общество противоречий. Собственно горнилом, в котором ковался современный афганский фундаментализм, стал уже упоминавшийся теологический факультет. Деканом его был интереснейший человек - Голям Мухаммад Ниязи, в свое время учившийся все в том-же университете Аль-Азхар и именно там попавший под сильнейшее влияние идеологии "Ассоциации братьев-мусульман". Кроме него преподавателями теологического факультета являлись также два египетских профессора и профессор из Индии. Последний, насколько известно, являлся верным адептом учения одного из крупнейших идеологов исламского фундаментализма XX века Саида Абдул Ала Маудуди и членом его партии "Джамаат-и ислами" еще с 40-х годов. Благодаря этим профессорам, а также местным исламистским деятелям, студенты получили доступ к переводам трудов Маудуди и Кутуба.

Гульбеддин Хекматияр (Zoran Kozovac, JDW)

Особую роль в распространении идей исламского фундаментализма в Афганистане сыграло сочинение под названием "Маджали-и шариат" ("Обзор шариата"), опубликованное руководством факультета. Уже в 1965 году его студенты организовали первую антиправительственную демонстрацию, на которой активно раздавали всем желающим брошюру, озаглавленную "Трактат о священной войне". В тот же период общественная деятельность стремительно растущего исламского движения проводилась под эгидой организации "Мусульманская молодежь" (МУМ), во главе которой стоял человек по имени Гульбеддин Хекматияр. Прочие структуры фундаменталистского движения функционировали подпольно, руководимые тайным Советом, под руководством уже знакомого нам профессора Ниязи. В 1970 году этот Совет принял решение направить деятельность всех подчинявшихся исламистам структур на активное распространение фундаменталистских идей за пределами Кабульского университета. Кроме того, в кратчайшие сроки должно было появиться максимально возможное число фундаменталистских ячеек в столице и провинциях. При этом одна из наиважнейших задач, поставленная Советом перед своими активистами, заключалась в вербовке неофицитов в рядах вооруженных сил, особенно среди офицеров.

Наконец, в 1972 году руководство исламистов решило, что подготовительный этап их деятельности успешно завершился и внесло изменения в общую стратегию движения. Отныне его главной целью (вместо провозглашенного ранее духовного возрождения общины) стал захват политической власти в стране. Согласно принятому уставу был избран президент движения. Им стал популярнейший профессор-богослов Кабульского университета, лидер группировки "Братьев-мусульман" (мини-копии одноименной египетской ассоциации) Бурхануддин Раббани, а его заместителем - Абдул Расул Саяф. Впоследствии оба они прославятся как герои войны против советских войск, превратившись в крупных деятелей международного фундаменталистского движения.

Рупором для агитации, проводившейся организацией "Мусульманская молодежь", являлось печатное издание "Гахиз" ("Утро"), основанное еще в 1968 году. Не в

последнюю очередь благодаря умело организованной информационной работе влияние исламистов по всей стране возросло в 1972-73 годах многократно. Особенным успехом их пропаганда пользовалась в среде провинциальной молодежи, выпускников средних школ, профессиональных колледжей и технических институтов. Параллельно росту влияния все резче становилась и критика фундаменталистов в адрес правительства и самой монархии. Частым явлением стали массовые демонстрации исламистов и их уличные столкновения с марксистами. В общей сложности в период с 1965 по 1973 год исламистами и их противниками было организовано по всей стране более 2000 демонстраций и митингов, естественно, не способствовавших снижению напряженности внутривнутриполитической ситуации.

Глава 18. В Пакистанском изгнании

В 1972 году "Мусульманская молодежь" Хекматияра получила большинство мест в студенческом совете Кабульского университета - подобно египетским и палестинским исламистам, их афганские "коллеги" считали установление контроля над высшими учебными заведениями залогом успешного продолжения борьбы за власть. Основная часть сторонников МУМ состояла в тот момент из выпускников сельских средних школ. Кроме того, люди Хекматияра по-прежнему затрачивали огромные усилия по привлечению в свои ряды армейских офицеров. В отличие от более старшего поколения фундаменталистов, сохранявшего некоторые контакты с традиционными улемами, деятели МУМ демонстративно дистанцировались от них. Они рассматривали улемов как трусливых соглашечников и, таким образом, исламистский фронт оказался разделен между старшим поколением и более радикальной и агрессивной молодежью. Именно эту слабость движения исламистов умело использовал для их усмирения Дауд-хан, захвативший власть в стране и провозгласивший себя "президентом" в июле 1973 года. Сильнейший удар по исламской оппозиции был нанесен им в июне 1974 года, когда в одном из районов Кабула собрались на тайное совещание многие ее лидеры. Помимо прочего ими обсуждались планы создания исламской республики и вопросы повсеместного введения законов шариата. Ближе к концу собрания в здание, где оно проходило, внезапно ворвались вооруженные сотрудники секретной службы безопасности президента. Двести человек были арестованы и лишь Хекматияру удалось незаметно ускользнуть из зала заседаний и затем бежать в соседний Пакистан. Не принимавшие участия в собрании Раббани и Ниязи попытались было договориться с Дауд-ханом, однако им это не удалось. Раббани, вслед за Хекматияром, перебрался в пакистанский Пешавар, а Ниязи очень скоро оказался в одной из камер знаменитой тюрьмы Поли-Чорхи.

В Пакистане Хекматияр и Раббани были встречены по всем законам восточного гостеприимства. Премьер-министр страны Зульфикар Али Бхутто давно желал разрешить пуштунскую проблему на северо-западе, отвлекавшую значительные силы от перманентного стратегического противостояния с Индией. Пакистанская спецслужба ИСИ обладала точной информацией из достоверных источников о помощи, которую предоставлял Дауд-хан вождям пуштунских племен, обитавших в районах, прилегающих к афгано-пакистанской границе. Помощь эта стала особенно активной и уже не являлась тайной в преддверии восстания пуштунов, вспыхнувшего затем в феврале 1975 года. Бхутто прекрасно понимал: корень проблемы находится в Кабуле. Чтобы усмирить восставших и окончательно покончить с брожением в приграничных районах нужно было избавиться от самого Дауд-хана. И единственной силой, способной это сделать, были в тот момент исламисты. Пакистанский премьер быстро договорился с их опальными лидерами. Согласно достигнутой договоренности, пакистанская сторона обеспечивала афганскую оппозицию финансовыми средствами, оружием и даже военными

специалистами. Раббани и Хекматияр, со своей стороны, обязались в кратчайшие сроки устранить самозванного афганского президента. Поднятое ими с этой целью всенародное восстание должно было, согласно пожеланию Бхутто, вспыхнуть в июле 1975 года. То был классический пример государственного террора, когда исламисты становились по сути наемными убийцами на службе у иностранного лидера. Подобная практика, впрочем, не прошла даром для самого Бхутто. Выпущенный им джин террора обрушился на него же всего четыре года спустя: 4 апреля 1979 года он будет казнен в Исламабаде по сфабрикованному обвинению в заговоре с целью убийства нового лидера страны Зия уль-Хака.

Глава 19. Раскол

Раббани и Хекматияр,

Что же до восстания, организованного Раббани и Хекматияром, то оно завершилось бесславно. Получив от своей разведки предупреждение о готовящемся перевороте, Дауд-хан предпринял ряд экстренных мер для укрепления собственной власти, а также срыва планов пакистанского руководства и исламистов. Он запретил все частные издания и деятельность политических движений, после чего основал собственную "Национал-революционную партию". Ожесточилось и отношение к улемам, участие которых в судопроизводстве стало отныне минимальным. Параллельно, как и следовало ожидать, усилилась поддержка лидеров пуштунского восстания, начавшегося в феврале 1975 года. Таким образом, на этот раз проведенные срочно мероприятия спасли кабульский режим.

Мятеж, поднятый в северных и восточных районах Афганистана сторонниками Раббани и Хекматияра, завершился поражением. После этого оба лидера-неудачника надолго обосновались в пакистанском Пешаваре, где сформировали руководящее ядро движения афганских исламистов, тренировочные базы и госпитали для своих боевиков. Поражение в Афганистане, однако, не прошло для них даром: усилившие идеологические разногласия между лидерами восстания, Хекматияром и Раббани, привели в конце-концов к окончательному разрыву между ними. В свою очередь это послужило причиной развала ранних афганских фундаменталистских движений "Братьев-мусульман" Раббани и "Мусульманской молодежи" Хекматияра.

Глава 20. Новая власть – старая борьба

Дауд-хан (www.afghan-web.com)

Тем временем, в самом Афганистане политическая обстановка еще более обострилась. Дауд, смертельно опасаясь заговоров и мятежей, выгнал из своей администрации представителей движения "Парчам", устроив гонения на них, а также на членов движения "Халк". Одновременно продолжались и преследования исламистов. Так, в декабре 1977 года, после убийства министра планирования Ахмада Али Корама, послушные Дауду афганские спецслужбы арестовали по обвинению в антиправительственном заговоре 54 исламских фундаменталиста. Однако репрессии продолжались недолго: уже 27 апреля 1978 года нескольких танков, трех самолетов и небольшого отряда пехоты хватило офицерам из числа сторонников Народно-Демократической Партии Афганистана для совершения военного переворота. Дауд, естественно, был убит, и все его полномочия перешли к лидеру НДПА Нур-Мухаммеду Тараки.

Новое правительство моментально заявило о своей приверженности принципам ислама и клятвенно пообещало проводить все намеченные преобразования в строгом соответствии с законами шариата. Однако начавшиеся в мае того же года реформы общеобразовательной и аграрной систем встретили острое противодействие со стороны священнослужителей, рыночных торговцев и землевладельцев - то есть тех, кто в дальнейшем стал душой и спонсорами военного противостояния правящему промосковскому режиму. Таким образом, судьба НДПА была предрешена уже в начальный период ее нахождения у власти. При этом следует учитывать действительно необыкновенную силу афганского духовенства. В начале 80-х в Афганистане действовало около 40 тысяч мечетей, причем в одном только Кабуле их насчитывалось более 800. Кроме того, с молодежью работали многочисленные религиозные школы-медресе. Общее же число служителей культа достигало 300 тысяч человек (из более чем 20-миллионного населения). Для сравнения: общее число членов обеих фракций правящей НДПА не превышало 15000 человек. Именно поэтому деревня, ради которой было предпринято большинство реформ, управлялась муллами и суфийскими шейхами и стараний правительства не оценила. Как следствие, уже к середине 1978 года участились убийства правительственных чиновников и присланных из Советского Союза учителей. Одновременно значительно возросла антиправительственная пропаганда в мечетях. Власти ответили массовыми арестами священнослужителей, чем вызвали еще большее возмущение народа. Один из авторитетнейших религиозных лидеров Афганистана, Мухаммад Ибрагим Моджаддеди, открыто объявил правительственные реформы антиисламскими, а сам режим - противным истинным мусульманам.

Однако власти в тот момент сдаваться не собирались. В январе 1979 года мужчины влиятельного клана Моджаддеди были арестованы. Некоторые из них, а также другие лидеры религиозной оппозиции были казнены в застенках специальной службы безопасности СГИ ("Служба государственной информации", построенная по образу и подобию советского КГБ). Спасаясь от преследований, многие оставшиеся на свободе суннитские и суфийские авторитеты последовали примеру Раббани и Хекматияра, бежав в пакистанский Пешавар и присоединившись к ним. В результате, очень скоро районы вблизи и без того беспокойной афгано-пакистанской границы превратились в очаг необъявленной войны против кабульского режима. Партизанская война особенно усилилась зимой 1978-79 года. Во многих горных труднодоступных районах в начале 1979 года власть захватили различные партизанские группировки: в Нуристане хозяйничали боевики "Исламского фронта Нуристана", а Горный Хазараджат, населенный шиитами-хазарейцами, оказался под контролем Революционного Совета Исламского Союза Афганистана. Кроме того, в том же 1979 году исламисты, правда не надолго, захватили столицу северной провинции Бадахшан - город Файзабад. Этот район имеет особое стратегическое значение, поскольку граничит одновременно с Пакистаном и КНР, откуда партизаны получали необходимую помощь. Впоследствии, даже после того, как исламисты покинули Файзабад, они фактически продолжали контролировать всю территорию провинции. При этом большинство партизан Бадахшана относились к "Джамаат-е ислами" Раббани. Общее руководство ими осуществлял полевой командир и религиозный лидер Маулави Хомейни.

Глава 21. Око за око

фото www.afghan-web.com

К весне 1979 года люди Хомейни почти полностью контролировали сельские районы страны, в то время как правительство удерживало городские населенные пункты.

Ситуацию в пользу исламистов едва не изменили мартовские события того же года: тогда в Герат возвратились из Ирана крупные отряды афганских моджахедов, принимавшие до этого участие в иранской исламской революции. Находясь под мощным влиянием ее идей, они были полны решимости бороться с захватившими власть "вероотступниками". Часть из них занялась установлением связей с про-исламистски настроенными офицерами гератского военного гарнизона, тогда как остальные разошлись по окрестным деревням, призывая их население к восстанию. Пропаганда имела успех, и 16 марта, после традиционной пятничной молитвы, распаленная проповедью толпа под руководством моджахедов атаковала город. В самом Герате их поддержали местные жители и дезертиры из числа военных. Далее начались массовые убийства активистов НДПА, военных офицеров, советских военспецов и членов их семей. Спустя несколько дней, однако, правительству Тараки удалось подавить восстание. В его организации официальный Кабул обвинил соседний Иран.

Пришедший в том же году к власти Хафизулла Амин на начальном этапе проводил умеренную политику в отношении исламистов. Вскоре, однако, убедившись, что на последних его мягкость не действует, новый лидер сменил милость на гнев, проведя широкомасштабную кампанию преследований духовенства. Власть соревновалась с оппозицией в зверствах: тюремные камеры оказались заполнены до отказа, и казни производились ежедневно, как на конвейере. А исламисты, тем временем, совершили серию кровавых терактов в самом Кабуле, объявив Амину священный "джихад". Вскоре расположенная на юге страны провинция Пактия практически полностью перешла под контроль моджахедов.

Глава 22. Цена безумия

фото www.afghan-web.com

Совершенно очевидно, что в подобных условиях ввод советских войск на территорию Афганистана был сущим безумием. Настоявший же на этом шаге "ради защиты Апрельской революции" Юрий Андропов - в то время всесильный шеф КГБ, - совершил жуткое злодеяние, фактически послав на верную смерть тысячи советских парней в угоду идеологическим постулатам, не имевшим ничего общего с реальной действительностью. Именно Андропов доставил самолетами в Кабул новую власть - Бабрака Кармаля и его команду, образовавших новое Политбюро ЦК НДПА и Реввоенсовет.

Религиозной частью населения страны, - то есть большинством, - ввод "ограниченного контингента" советских войск был воспринят как новый крестовый поход "неверных" против ислама. Тысячами покидали афганцы свои дома, чтобы влиться в многочисленные импровизированные партизанские формирования. Многие также уходили "за кордон" - в Пакистан и Иран, - где вступали в ряды действовавших на территории этих стран афганских оппозиционных партий. Фактически, в конце 1979 года афгано-пакистанская граница находилась под контролем оппозиции и союзных ей местных племен. Через 2060 километров поросшей лесом горной местности проходили десятки караванных дорог и троп, которыми проходили в Афганистан моджахеды и проводили караваны с оружием, боеприпасами, медицинскими препаратами и средствами связи. Кстати, многие из этих столь необходимых фундаменталистам товаров закупались молодым тогда еще саудовским миллионером Осамой бин-Ладеном, которому впоследствии, именно благодаря афганской войне, предстояло стать террористом и спонсором терроризма мирового масштаба. Нужно отдать ему должное: уже с первых дней пребывания на войне он проявил себя как талантливый организатор и командир. Так, например, бин-Ладену

каким-то чудом удалось перетащить через едва проходимые горные перевалы тяжелые землеройные машины, которые впоследствии использовались для создания знаменитых подземных тоннелей моджахедов.

Штаб-квартиры афганской оппозиции и ее тренировочные лагеря находились на территории соседнего Пакистана. В 1980-81 гг. одних только лагерей насчитывалось около 70. При них также действовали полевые госпитали и учебно-религиозные центры для моджахедов. Одним из центральных районов активности исламистов являлся уже упоминавшийся ранее Пешавар. В 1981 году здесь компактно проживали около 73000 афганцев, причем около двух третей из них были фундаменталистами.

Все обосновавшиеся в Пешаваре оппозиционные партии по своей политико-идеологической ориентации делились на две основные группы: исламистов-фундаменталистов и умеренно-религиозных национал-монархистов. В первую группу входили "Джаммаат-е ислами" Раббани, "Хезб-и ислами" Хекматияра, одноименная партия Юниса Халеса и "Исламский союз за освобождение Афганистана" Расула Сайяфа. Вторая же группа формировалась вокруг так называемого "Объединения трех": "Национального исламского фронта Афганистана" Саида Ахмада Гейлани, "Движения исламской революции Афганистана" Мухаммада Наби Мохаммади и "Национального фронта спасения Афганистана" Сибхатуллы Моджаддеди. Эти партии, поддерживаемые в основном деревенскими муллами, племенными вождями, землевладельцами и суфийскими орденами, стремились вернуть Афганистан в состояние, предшествовавшее 1973 году, и возродить в стране конституционную монархию во главе с Захир-Шахом. Наряду с исламистами-фундаменталистами их сторонники являлись правоверными суннитами. В то-же время у афганских шиитов также имелись свои партии, организации и партизанские группировки, ориентированные главным образом на соседний Иран и подверженные сильнейшему влиянию идей аятоллы Хомейни.

Глава 23. Под крышей спецслужб

Почти вся финансовая помощь афганским беженцам в Пакистане - как со стороны местного правительства, так и со стороны международных организаций, - проходила через перечисленные оппозиционные партии. Кроме того, на их счета поступали внушительные пожертвования от правительств Пакистана, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Ирана, Китая и различных исламских международных организаций (в первую очередь от египетской "Ассоциации братьев-мусульман"). Сегодня это звучит как курьез, однако тогда, в начале 80-х, совершенно нормально воспринималась поддержка афганских моджахедов и со стороны США. Деньги поступали через Исламабад. Так, только в 1981 году Вашингтон перевел Пакистану на поддержку военных действий в Афганистане 500 миллионов долларов. А первые "взносы" на нужды афганской оппозиции были сделаны еще в середине 1979 года, после того как президент Картер подписал первую секретную директиву по данному вопросу. До 1980 года американская поддержка, бывшая секретом Полишенеля, осуществлялась тайно, преимущественно по каналам ЦРУ, однако затем Вашингтон перешел к открытому оказанию финансовой и прочей помощи афганскому сопротивлению.

Союзник США на Ближнем Востоке, Саудовская Аравия, также весьма активно помогала афганским оппозиционерам и, прежде всего, исламистам из их числа. Широкий финансовый поток шел через Пешавар от руководителя саудовской спецслужбы принца Тарки Фейсала. Впрочем, помимо денег исламисты получали от своих патронов также огромные партии оружия ведущих мировых производителей. И если на начальном этапе

афганской войны, в период между 1978 и 1981 годами, вооружение большей части партизан состояло из старых русских, английских и немецких винтовок, да охотничьих ружей, то затем оппозиция стала получать самое современное оружие в достаточно большом количестве. При этом наиболее крупные его партии поступали из США, ФРГ, Пакистана, Китая и Саудовской Аравии, Так, например, афганские моджахеды получили в разное время довольно большое количество переносных зенитно-ракетных комплексов "Стингер" американского производства, которые сегодня охотно демонстрируют журналистам чеченские боевики. Как сообщили представители Федеральной службы безопасности России, "Стингеры" попали в Чечню именно из Афганистана и подарил (по другой версии - продал) их людям Басаева и Хаттаба никто иной, как Осама бин-Ладен.

Стоит также упомянуть о роли германской спецслужбы БНД ("Бундеснахрихтунгсдинст") в снабжении афганских моджахедов оружием. С соответствующей целью в недрах этой мощной секретной службы даже была разработана специальная секретная операция "Летний дождь". "Крышей", как теперь говорят, для перевода денег в Афганистан служил фиктивный "Международный институт права", имевший специальный отдел "Гуманитарная помощь". Подготовку и непосредственно проведение операции курировал шеф ближневосточного отдела БНД герр Корнелиус (он же Карл Хагеман и Курт Хаусман); вторым номером был бывший германский резидент в Вашингтоне и офицер связи с ЦРУ Клаус-Юрген фон Бентивеньи. Собственно же поставки военного снаряжения и оборудования в Пакистан с последующей переправкой их моджахедам осуществлялись следующими людьми:

- Райнер Эльбертсхаген - 1941 года рождения, бывший подполковник ВВС ФРГ, а также бывший военный атташе в Тегеране и Багдаде. Сотрудник БНД с середины 70-х годов. Псевдоним Руди Энгельс, кодовое название "Роза".

- Эрнст Вильгельм Шпрингер - бывший активист неонацистской партии, внештатный сотрудник БНД с середины 60-х годов.

Германские поставки осуществлялись через зарегистрированную в Гамбурге экспортную фирму некоего Фритца Нендза. Только с 1986 по начало 90-х годов афганские исламисты получили в рамках операции "Летний дождь" военной помощи на сумму около 10 миллионов марок. Интересно, что большая часть оружия перевозилась в Пакистан самолетами германских ВВС с военного аэродрома "Кельн-Порц". Кроме того, израильским читателям наверняка будет интересно узнать, что часть поставленного немцами афганским моджахедам обмундирования и вспомогательного военного оборудования закупалась именно в Израиле.

Для справки:

Оппозиция Дауду формировалась вокруг двух течений - "Парчам" ("Знамя") и "Халк" ("Народ"). "Парчам" объединяло состоятельных афганцев - крупных и средних феодалов, элиту интеллигенции, высших чиновников госаппарата и армии. Руководителем его был Бабрак Кармаль. В "Халк" - более экстремистски настроенный и гораздо более многочисленный - входили все остальные. Среди лидеров - известные афганские политики Тараки и Амин. Оба течения активно сотрудничали с КГБ СССР. В июле 1977 года они объединились в Народно-Демократическую Партию Афганистана (НДПА).

Криминальные спонсоры джихада

Помимо поставок вооружений и амуниции, производившихся различными странами, оружие моджахедам на протяжении всей Афганской войны поступало и от различных мафиозных сообществ и синдикатов, как правило скрывавшихся за вывесками всевозможных международных торговых фирм. На этом поприще наиболее отличились пакистанские преступные группировки. Пакистанская мафия, специализирующаяся главным образом на наркоторговле и имеющая прочные связи с преступными организациями Европы, Америки, Южной и Юго-Восточной Азии, получала от афганских моджахедов большие партии наркотиков, взамен снабжая их современным вооружением различных типов. Помимо этого, во второй половине 80-х годов некоторые представители исламистов установили тесное сотрудничество и с турецкой мафией, в частности с могущественным преступным кланом Ясара Авни Муссуллулу (он же Ясер Карадурмус). Этот криминальный "авторитет" международного масштаба, в свою очередь, связан с итальянской мафией, китайскими триадами и наркосиндикатами Таиланда и Бирмы.

Глава 24. Уходя – добей товарища

Боевые действия, предпринимавшиеся афганскими моджахедами можно разделить на следующие типы: оборона горных укрепрайонов; засады против колонн снабжения; блокада опорных пунктов и гарнизонов противника; нападения на города. Особенно отличались боевой выучкой моджахеды Хекматияра и Масуда. Сражались они насмерть и в ближнем огневом бою не уступали советским элитным частям.

Стоит отметить, что большинство крупных операций афганских партизан планировались и координировались из Пешавара. Оттуда же поступали оружие, боеприпасы, медикаменты и пополнение. Однако на местах реальная сила принадлежала авторитетным полевым командирам. Последние являлись членами различных партий и движений, штаб-квартиры которых находились также в Пакистане, вследствие чего партизанское движение не имело единого командования и общего стратегического плана боевых действий. Среди крупных полевых командиров, постоянно действовавших на афганской земле, наибольшим авторитетом у моджахедов пользовались следующие люди: Ахмад Шах Масуд, Эмир Исмаил Хан, Абдул Хак, Амин Вардак, Абдул Карим и Анвар Амин. Помимо них в Афганистане в различное время воевали от 200 до 250 региональных полевых командиров, многие из которых были совершенно самостоятельны. Общая численность их бойцов колебалась от 120 до 200 тысяч человек.

Одна из характерных черт боевой тактики исламских партизан в Афганистане заключалась в принципе "рассредоточенности", который в точности соответствовал их девизу: "Ходить врозь, атаковать вместе". В плен моджахеды не сдавались. В случае невозможности эвакуировать раненых с поля боя их попросту расстреливали. Как и во время недавних военных действий в Дагестане, большинство советских военных операций атакующего характера в Афганистане не завершались полным разгромом противника: боевики просто уходили в горы, рассеивались в труднодоступной местности, а затем вновь собирались в свои отряды. Кроме того моджахеды растворялись среди местного населения, - сегодня так действуют чеченские боевики в Гудермесе, - и от прямых столкновений с советскими войсками уклонялись. Зато они были большими мастерами внезапных нападений из засады: атаковали небольшими группами в ущельях, минировали горные дороги и тропы. Во второй половине 80-х эта же тактика появится и в Южном Ливане, где ее с успехом будут применять боевики организации "Хизбалла" против дислоцированного здесь "ограниченного контингента" Армии обороны Израиля.

Глава 25. Моджахеды приходят в полночь

Таким образом, уже в начале 80-х годов власть Народно-демократической Партии Афганистана удерживалась исключительно при мощной поддержке советских вооруженных сил и только в крупных городах страны. Фактически все сельские районы находились под контролем исламской оппозиции. Даже во многих городах, формально управлявшихся правительством ДРА, в ночное время власть переходила к боевикам (о схожей ситуации в Гудермесе сообщило на днях российское телевидение). Особенно высокая их концентрация отмечалась в 1980 году в районе Кабула, в ущелье Панджшер, в центре страны, в районах Кандагара, Герата и особенно Джелалабада, а также в юго-восточных районах страны, граничащих с Пакистаном и Индией. Большие группировки действовали также в районе Мазари-Шарифа и в провинции Бадахшан. Здесь практически все пути сообщения и деревни находились под контролем военных формирований "Джамаат-е ислами" Раббани. Примечательно, что еще в первой половине 80-х именно из Бадахшана, из района реки Аму-Дарья, моджахеды предприняли ряд диверсионных вылазок через советскую границу - в соседний Таджикистан.

В конце 80-го года оппозиция начала создавать во всех районах Афганистана исламские комитеты, которые, по сути, являлись институтами альтернативной власти. В апреле 1981 года на всей территории Афганистана действовали уже 450 исламских комитетов, охватывавших практически все сельские районы провинций.

Вообще в этот период наблюдается особенно мощный подъем исламистского движения. В конце февраля 1980 года в самом Кабуле вспыхнуло восстание, которое, однако, было подавлено советскими войсками. На предпринятые затем русскими и властями ДРА карательные меры моджахеды ответили массовым террором. В 1981 году по всей стране прокатилась серия взрывов. Взрывные устройства устанавливались в кинотеатрах, на базарах. Отрабатывалась тактика массовых террористических операций, которую через 10-15 лет станут использовать в России, Израиле, Алжире и вообще повсюду, где будет объявлена священная война "неверным". Для закладки взрывчатки широко использовались автомашины, которые устанавливались в многолюдных местах - знакомый почерк, не правда ли? Помимо этого участились нападения на советские военные и гражданские объекты. Только в первые два месяца 1981 года в Кабуле, Кандагаре, Мазари-Шарифе, Герате, Кундузе и других крупных городах, а также на линиях коммуникации было совершено более тысячи (!) терактов и диверсий. Кроме того боевики осуществили ряд дерзких нападений на советские погранзаставы на таджикской и узбекской границах.

Почти одновременно, в начале 1981 года, в Герате вспыхнуло восстание. В нем принимали участие 2500-3000 боевиков, которыми руководил полевой командир Исмаил Хан. Верховное же руководство осуществлялось из штаба "Джаммат-е ислами" в Пешаваре, где разрабатывался и план восстания.

Глава 26. Долгий путь к единству

Фото с сайта www.afgan.ru

Несмотря на чрезвычайную раздробленность афганской оппозиции, попытки объединить ее базирующиеся в Пешаваре фракции в единый Фронт сопротивления не прекращались ни на минуту. После провала усилий в этом направлении, предпринятых еще в мае 1979

года представителями традиционной политической элиты Афганистана, активную деятельность в вопросе объединения развили исламские страны. В первой половине 80-го года министры иностранных дел стран-участниц Организации Исламской Конференции также пытались объединить исламскую оппозицию, правда, и на этот раз без особого успеха. Причина категоричного нежелания афганских моджахедов консолидировать свои усилия на благо общего дела была предельно проста: деньги. Не просто большие суммы, но гигантский поток долларовых вливаний, большая часть которого оседала на частных счетах различных лидеров оппозиции. В случае объединения большая часть этих средств поступала бы уже в распоряжение общего руководства и, таким образом, для многих полевых командиров и их боссов в Пакистане эта война навсегда потеряла бы свой "священный" смысл. Кроме того, общая казна означала бы и общий сбор доходов от сверхприбыльной торговли наркотиками, которую вели многие лидеры оппозиционных партий и полевые командиры. А это уже были и вовсе неземные богатства, от которых нормальные люди добровольно не отказываются.

Наибольшими профессионалами в деле выкачивания денег из нефтяных магнатов Персидского залива, шиитских аятолл Ирана и даже из "неверных" американцев зарекомендовали себя все те-же Раббани и Хекматияр. Постепенное расширение финансовых возможностей последнего привело к обострению противоречий в рядах оппозиции - как в Пакистане, так и в самом Афганистане. Амбициозный и энергичный Хекматияр попытался расширить сферу своего влияния за счет прочих партий и группировок. Далее все происходило по обычному сценарию, характерному для взаимоотношений в обыкновенных криминальных структурах - без привычного фальшивого налета исламской идеологии. Вражда лидеров привела к самым настоящим "разборкам" между ними, сопровождавшимся вооруженными столкновениями. Напуганные таким развитием ситуации афганские муллы направили в апреле 1981 года в Пешавар делегацию из 300 своих представителей, призвавшую руководство оппозиции прекратить распри и объединиться против общего врага.

Наконец, в 1981 году, в ответ на объединение религиозно-монархических партий, фундаменалисты создали аналогичную структуру, получившую название "Исламский альянс Афганистана". Во главе его встал уже упоминавшийся профессор Абдул Расул Сайяф. Позднее, в мае 1983 года, под давлением Саудовской Аравии, была создана более широкая организационная структура афганской оппозиции, "Исламский альянс афганских моджахедов", получивший название "Исламский альянс семи". Руководил им все тот-же Сайяф. А Моджаддеди исполнял функции его заместителя.

Глава 27. «Пятая колонна» Тегерана

Кабул. Мечеть Shah-i-Nai. (фото с сайта www.afghan.ru)

Следует отметить, что в конце 70-х - первой половине 80-х годов развитие идей фундаментализма происходило не только в суннитской среде Афганистана, но также и в местной шиитской общине. Количество сторонников этого течения в исламе составляло в описываемый период около 10-15 процентов от общего населения Афганистана. Шииты населяют в основном центральные и западные области страны. В Хазараджате - труднодоступном горном районе, населенном преимущественно хазарейцами, находится большинство их деревень. Еще начиная с середины 60-х годов в Хазараджате становится заметным идеологическое влияние молодого шиитского фундаментализма. Хазарейцы, возвращавшиеся из крупных учебных центров в Иране и Ираке, привозили с собой новые религиозные и политические идеи. В 70-х годах в этой области появляются группы

последователей аятоллы Хомейни. В результате, когда в начале 1979 года "Революционный совет исламского союза Афганистана" организовал в Хазараджате массовое восстание, местные шиитские фундаменталисты приняли в нем самое активное участие. После захвата власти в провинции лидеры Совета создали независимое правительство Хазараджата, в которое вошли и шиитские радикалы. Последние постоянно вздорили с партнерами по коалиции и, наконец, весной 1984 года к власти пришел проиранский блок двух партий "Сазаман-и наср" и "Саджах-и пасдаран". Это событие значительно увеличило влияние Ирана на территории Афганистана.

Помимо Хазараджата сильное иранское влияние ощущалось и в районе Герата. На территории самого Ирана в 1980-81 годах действовали до 25 учебно-подготовительных лагерей для афганских моджахедов. После окончания курса подготовки они пересекали 850-километровую границу с Афганистаном и вливались в партизанские отряды, действовавшие в западных и центральных районах страны.

Глава 28. Предчувствие победы

В последующие годы войны, вплоть до 1986 года, общая картина событий в Афганистане существенно не изменилась. Также, как и в 1980-81 годах на каждую военную инициативу командования советского контингента оппозиционные силы и, в частности, исламисты, реагировали весьма эффективно. Они по-прежнему избегали прямых крупномасштабных столкновений с противником, широко и успешно применяя партизанскую тактику военных действий, которая сочеталась с терактами и диверсиями. При этом любое увеличение численности советских войск в Афганистане автоматически приводило к росту поддержки, оказываемой моджахедам Саудовской Аравией, Объединенными арабскими эмиратами, США и другими странами. В Пакистане же постоянно возрастало число добровольцев со всего исламского мира, создавались тренировочные лагеря, строились госпитали, увеличивались оружейные арсеналы. Гигантский инкубатор будущих террористов 90-х годов работал, таким образом, на полную мощность.

Наджибулла (фото www.afghan-web.com)

В мае 1986 года, однако, ситуация изменилась. При прямой поддержке Москвы, Бабрак Кармаль был смещен со своего поста и президентом Афганистана стал Мохаммад Наджибулла. Судьба этого человека вполне достойна страны, которой он вознамерился править: ровно десять лет спустя, в 1996 году, талибы вытащат его из здания миссии ООН в Кабуле и повесят на главной площади города.

Казнь Наджибуллы (фото www.afghan-web.com)

Впрочем тогда, в 86-м, бывший председатель Службы государственной информации (СГИ), аналога советского КГБ, находился в зените своей политической карьеры, и столь страшной кончины ничто не предвещало. Придя к власти, Наджибулла призвал враждующие афганские стороны к общенациональному примирению и, затем, объявил односторонний полугодичный мораторий на ведение боевых действий. То, однако, был совершенно бесполезный жест: в подобной политике НДПА и действиях Москвы, направленных на вывод из Афганистана советских войск, "Исламский альянс семи" усмотрел лишь проявление слабости марионеточного режима. На общем собрании всех лидеров альянса было принято решение продолжать "священную войну" до победного конца - то есть до полного вывода советских войск и ликвидации правительства Наджибуллы. Сразу после этого была совершена серия убийств членов так называемой

"Комиссии по примирению". Особенно активизировали свою деятельность сторонники Хекматияра, благо денег для этого у их босса было предостаточно. Да и США в 1986 году не скупилась на помощь моджахедам: заветная цель - удаление Советов из Афганистана - была уже близка, а о будущем в Белом доме тогда не задумывались.

Осознав, что с исламистами ему не договориться, Наджибулла активизировал работу своих спецслужб против их лидеров и полевых командиров. Параллельно он попытался развалить "Исламский альянс семи", договорившись с религиозными традиционалистами и монархистами. Именно тогда была предпринята и неудачная попытка ликвидировать Ахмад Шаха Масуда, в Пакистане, в машине с охраной Хекматияра, сработало взрывное устройство, а в августе 1988 года в высшей степени странной авиакатастрофе погиб президент Пакистана Мохаммад Зия-уль-Хак. Последний, как известно, весьма активно поддерживал исламистские партии афганской оппозиции.

Глава 29. Начало похода на север

Между тем эта самая оппозиция не только не прекратила боевых действий против ненавистного режима, но наоборот значительно их активизировала. Более того: некоторые исламские лидеры уже в тот период вынашивали планы перенесения священного "джихада" на территорию тогда еще советской Средней Азии. С середины 80-х годов они прилагали максимум усилий для установления прочных связей с мусульманским подпольем Таджикистана и Узбекистана. Кстати, первые контакты с подпольщиками отмечались еще во второй половине 70-х годов. И вот, теперь, через малоизвестные горные тропы Памира был налажен перевоз исламистской литературы на советскую территорию. В подпольных медресе Горного Бадахшана (Вашская долина) и Гармской области стали распространяться сочинения виднейших теоретиков исламского фундаментализма - все тех-же Маудуди, Кутуба, аль-Банни, а также издания афганских фундаменталистских партий (в частности, известное сочинение Хекматияра "Куда пойти в поисках Бога?"). В свою очередь, из Таджикистана идеи исламского фундаментализма попадали в Наманганскую, Ферганскую, Бухарскую области Узбекистана. Идею исламистской экспансии на север активно поддержали Саудовская Аравия, Пакистан, международные исламистские группировки и... США.

Вдобавок к литературе неофициальные мусульманские лидеры Средней Азии стали получать, опять же через Афганистан, финансовую помощь, а с конца 80-х - и оружие. В этот же период через религиозные центры Средней Азии исламисты установили контакты с молодыми мусульманами Кавказа, приезжавшими сюда для подпольного изучения "чистого" ислама. А представители "Джамаат-е ислами" Хекматияра наладили, через таджиков провинций Бадахшан и Тахар, отношения с действовавшими в глубоком подполье на протяжении всего советского периода суфийскими орденами Средней Азии.

В описываемый период, помимо начавшейся идеологической экспансии в сторону Советского Союза, наблюдались и первые попытки проведения военных операций с территории Афганистана против частей советской армии, размещенных на приграничной территории Средней Азии. Так, в апреле 1987 года боевики "Хезб-и ислами Афганистан" (ХИА) Хекматияра предприняли попытку захвата советской пограничной заставы на территории Таджикистана, в районе Пянджа.

Глава 30. Бой скорпионов

фото www.afghan-web.com

Кто хоть однажды бывал в пустыне, знает: два скорпиона, посаженные в одну банку обязательно убьют друг друга. Именно по такому сценарию развивались события после февраля 1989 года, когда завершился вывод советских войск из Афганистана. "Гяуры" ушли, однако гражданская война после этого разгорелась с еще большей силой. Натиск оппозиции на окончательно обанкротившееся правительство Наджибуллы значительно усилился. В конце февраля отчаявшийся диктатор объявил о введении военного положения. В это время власть его распространялась преимущественно на крупные города страны, тогда как в сельской местности он контролировал лишь около восьми процентов всех населенных пунктов. Оппозиция попыталась изменить существующее положение, взяв курс на захват власти и в городах. В конце июня 1989 года исламисты подняли восстание в Джелалабаде, которое однако было жестоко подавлено в ходе трехдневных боев.

Ближе к концу 89-го и в 90-м году назначенный президентом США Бушем специальный уполномоченный по афганским вопросам Питер Томсон развил бурную деятельность в работе с лидерами исламистов на территории Пакистана. Являясь связующим звеном между Белым Домом и Пешаваром, он контролировал перевод денежных средств, поставки оружия, занимался сбором информации. К нему, в частности, поступали разведданные из источников контрразведывательной службы Ахмад Шаха Масуда - наиболее эффективной из всех шпионских структур оппозиции. Информация от людей Масуда поступала в центральную штаб-квартиру "Джамаат-е ислами" в Пешаваре и затем передавалась Томсону. Помимо этого он тесно сотрудничал с пакистанской спецслужбой ИСИ. Параллельно информации о ситуации в Афганистане, от него в Вашингтон уходила оперативная информация о восточных провинциях Ирана, о положении в Синцзяне и Средней Азии. Кстати, в этот же период наблюдалась и значительная активизация работы региональной штаб-квартиры ЦРУ в Исламабаде, основанной там еще в 1979 году.

Во второй половине 1990 года ситуация стала постепенно меняться в пользу моджахедов. В октябре они захватили административный центр расположенной в центральной части страны провинции Орузган, город Таринкот, а также административный центр граничащей с Пакистаном провинции Забуль - город Калати-Гильзаи. В 1991 в самом Кабуле была предпринята попытка военного переворота. Начальник Генерального штаба и Министр обороны, пуштун по национальности, Шах Наваз Танай отдал армейским частям приказ о захвате правительственных учреждений, однако по-прежнему верная Наджибулле спецслужба СГИ и "Хад" (спецподразделения СГИ) подавили восстание.

Окончательный перелом наступил в марте 1992 года, когда крупные боевые формирования (преимущественно узбекские) под командованием генерала Дустума отказались далее поддерживать правящий режим. Узбек Абдул Рашид Дустум, основные силы которого дислоцировались на севере страны, договорился с Масудом о взаимодействии против Наджибуллы. В результате, северная "столица" Афганистана, административный центр провинции Балх город Мазари-Шариф, перешла под контроль союзников. А 28 апреля 1992 года войска Масуда и Дустума, не встречая сопротивления, заняли Кабул. К тому времени отрекшийся от власти Наджибулла уже находился в кабульской миссии ООН. Спустя несколько дней страна была провозглашена Исламским государством Афганистан. Период правления просоветского марионеточного правительства завершился. Начинаясь новый, экспансионистский, период афганского "джихада" и новый виток бесконечного внутриафганского конфликта.

Глава 31. В поисках виноватых

Сегодня, через десять лет после вывода советских войск из Афганистана, когда буквально последовавший за ними по пятам исламский экстремизм - существенно модернизированный и гораздо более воинственный - представляет опасность для всего человечества, особое значение приобретает идентификация творцов этого Голема двадцатого века. Данная задача важна прежде всего потому, что уроки из событий Афганской войны ни западными странами, ни Россией извлечены не были.

О роли Вашингтона и Эр-Рияда в развитии и укреплении исламского фундаментализма в Афганистане нами уже было сказано немало. Также огромную поддержку, - как в материальном, так и в идеологическом плане, - местным исламистам оказали Иран и Пакистан. Страны Персидского залива, Египет, КНР и даже европейские государства также сыграли в этом процессе не последнюю роль. Впрочем, судьба жестоко отомстила этим "спонсорам": подобно жаждущим крови злобным богиням мести эриниям из греческой мифологии, выпущенный на свободу исламский экстремизм уже в 90-е годы не пощадил никого из них, поразив каждого в большей или меньшей степени.

Однако главная ответственность за формирование и распространение "афганского" варианта исламского фундаментализма лежит все же на Москве, поскольку именно решение советского руководства об оказании "братской помощи" Кабулу превратило внутриафганские распри в "священную войну" всего исламского мира и создало благоприятную среду для появления таких идеологов "всемирного джихада", как палестинец Абдалла Аззам. Более того: даже вывод советских войск с территории Афганистана в 1989 году сыграл свою роковую роль в описываемом процессе. Афганские фундаменталисты и помогавшие им добровольцы со всего исламского мира оказались победителями огромного советского колосса, что привело к резкому росту популярности их самих и их идеологии. Для Советского Союза главный ущерб состоял даже не в гигантских финансовых затратах на ведение войны в Афганистане и поддержку местного марионеточного режима, но в пробуждении религиозных чувств у советских мусульман. Зерна религиозного экстремизма, попавшие в созданную тогда благоприятную почву, дали страшные всходы, которые Россия сполна пожинает сегодня на Северном Кавказе.

ДЛЯ СПРАВКИ

После получения независимости Туркменистан превратился в один из крупнейших центров регионального экономического сотрудничества и, что самое главное, эта страна обладает огромными запасами энергоресурсов и полезных ископаемых. По самым скромным оценкам, общий объем ее газовых месторождений составляет 13 триллионов кубических метров, что сравнимо лишь с газовыми запасами Кувейта, а нефтяных месторождений - в 213 миллионов тонн. И показатели эти имеют тенденцию к значительному увеличению ввиду разведки новых месторождений. Так, туркменский министр нефтегазовой промышленности и минеральных ресурсов Гочмурад Назаханов заявил в свое время, что его страна располагает 21 триллионом кубических метров газа и 6,5 млрд тонн нефти. Для сравнения: в начале 1997 года Организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК) опубликовала информацию, согласно которой запасы газа всех арабских стран оцениваются в 32 триллиона кубометров. Таким образом, Туркменистан располагает, по крайней мере, более чем третью от этого объема. А кроме того, на его территории расположены крупные месторождения цветных и редкоземельных металлов, серы и других полезных ископаемых. Все это вместе взятое, а также выгодное географическое расположение в самом сердце Центральной Азии, на побережье

Каспийского моря, делает Туркменистан объектом активного ухаживания со стороны стран, геополитические и экономические интересы которых распространяются на данный регион.

Глава 32. Схватка на краю пропасти

Как и следовало ожидать, власть в новом Исламском государстве Афганистан (ИГА) оказалась крайне неустойчивой. Такова уж судьба всех революций - и исламская в этом плане вовсе не исключение, - в случае победы бывшие соратники-революционеры с упоением начинают планомерное взаимоистребление. Согласно решению Совета моджахедов, собравшегося в Кабуле сразу после взятия его войсками Масуда и Дустума, первым президентом ИГА стал Сибхатулла Моджаддеди. Однако уже в июле того же года он отказался от президентского кресла в пользу тогда еще могущественного лидера "Джамаат-е ислами" Бурхануддина Раббани. Последний должен был сформировать временное коалиционное правительство, а затем, спустя полгода, провести в стране всеобщие выборы. Собственно, этим благим намерением игры в демократию по-исламски и ограничились: бывшие союзники - Раббани, Хекматияр, Моджаддеди, Мохаммади, Гейлани и другие, - разошлись в видении будущего страны, поссорились, а затем и передрались друг с другом. Традиционалисты добивались восстановления монархии, исламисты же, наоборот, подобно первым исламским фанатикам-хариджитах, считали передачу власти по наследству противной духу ислама. Да и планы противоборствующих сторон в отношении северного соседа, России, существенно расходились: так, Гейлани был готов на мирное сосуществование и взаимовыгодное сотрудничество, тогда как Хекматияр стремился любыми средствами продолжить войну против русских "гяуров" и их союзников в Центральной Азии и на Кавказе.

В свою очередь сами приверженцы фундаменталистской идеологии делились на последователей ваххабитского движения (Хекматияр) и суфизма, в основном могущественного ордена Кадирия (Мохаммади и Гейлани). При этом оба лагеря испытывали по отношению к противной стороне отнюдь не самые добрые чувства. В результате, между ними наблюдались разногласия практически по всем актуальным вопросам. К примеру, Хекматияр выступал за создание в стране однопартийной политической системы, а Раббани, под влиянием Маудуди, которого считал своим учителем, поддерживал идею политического плюрализма - в исламских, разумеется, рамках. Да и прекрасный пол не давал спорщикам покоя, точнее вопрос о введении обязательного ношения всеми афганскими женщинами чадры. Обнаружилось и множество других противоречий, разделявших исламистских лидеров и полевых командиров - идеологического, этнического, экономического, психологического и даже возрастного характера. Кроме того, страны-спонсоры каждой группировки пытались руками их боевиков отстаивать собственные интересы в Афганистане.

В конечном итоге на основе партий "Джамаат-е ислами" и "Хезб-и ислами" образовались два крупных противоборствующих лагеря, которые попеременно поддерживал узбекский генерал Абдул Рашид Дустум. Соответственно и территория Афганистана вновь разделилась на две части: на юге, где преобладает пуштунское население, властвовал Хекматияр, а на таджико-узбекском севере - Раббани, Масуд и Дустум. В начале 94-го последний сделал неверную ставку, перейдя на сторону Хекматияра, и подобная расстановка сил сохранилась, фактически, до конца года, когда на афганской политической арене появилась новая мощная сила - движение "Талибан", - в короткие сроки коренным образом изменившая ситуацию в стране и оказавшая существенное влияние на весь центральноазиатский регион.

Глава 33. Друг мой – враг мой

Опыт бесконечной афганской войны позволяет сделать весьма любопытный вывод относительно природы исламского экстремистского движения, причем не только местного. Он, этот опыт, ясно свидетельствует о том, что исламисты не являют собой некоего монолитного организма, но, наоборот, чрезвычайно раздроблены и даже подчас испытывают по отношению друг к другу совершенно лютую ненависть. Однако - и в этом заключается парадокс, - все многочисленные партии и группировки, о которых шла речь выше, проявляют редкую способность к объединению перед лицом общей опасности. Так, в конце 60-х - начале 70-х годов, действуя на территории Афганистана в условиях жесточайших репрессий, исламисты выступали единым фронтом. Впоследствии, уже после 1974 года, оказавшись в изгнании, они разделились на множество противоборствующих фракций. Затем, в начале 80-х, в период мощных наступательных операций советских войск, они вновь демонстрировали всему миру единство, чтобы затем, с уходом Советов, окончательно погрузиться в пучину междоусобной бойни. При этом, происходящее в Афганистане с удивительной точностью проецировалось на весь исламский мир, вызывая аналогичные "приливы" и "отливы" братских чувств у остальных исламистов. И вовсе не случайно через десять лет после окончания Афганской войны известная египетская ультраэкстремистская организация "Ат-такфир уа-ль-Хиджра" объявила охоту на одного из героев афганского "джихада" и главных его спонсоров Осаму бин-Ладена. Не далее как в сентябре руководство "Ат-такфир" опубликовало заявление, в котором обвинило опального саудовского миллионера в... присвоении и разбазаривании денег, предназначенных, якобы, для различных исламистских группировок. "Он поставил себя выше Аллаха, - говорилось в заявлении, - и поэтому должен умереть".

Глава 34. Это страшное слово - студент

Уже в конце 90-х годов с легкой руки не слишком сведущих в афганских делах журналистов появится красивая легенда о "неизвестно откуда взявшемся" движении "Талибан" - этих моментально заполонивших Афганистан бородачах, претендующих на единственно верную трактовку ислама - такую, что даже иранская теократия рядом с ней кажется наименее просвещенным режимом современности. На самом же деле все обстояло совсем иначе: талибы не появились, подобно джиннам "из огня знойного", но стали логическим порождением уродливой афганской действительности, которая и не могла породить ничего иного. Они не пришли внезапно и ниоткуда: их пришествие тщательно подготавливалось всей историей бесконечного кровопролития.

Движение "Талибан" начиналось с идеализма. Подобно добровольцам времен гражданской войны в Испании, еще в годы противостояния марионеточному кабульскому режиму и поддерживавшим его советским войскам многие молодые религиозные пуштуны Восточного и Северо-Восточного Пакистана вступали в ряды вооруженных формирований афганской оппозиции, чтобы принять участие в священной борьбе с "неверными". По окончании специального курса боевой подготовки - зачастую под руководством пакистанских и американских инструкторов, - эти люди формировали отдельные отряды, состоявшие исключительно из пакистанских пуштунов. Особенно много таких отрядов действовало на территории Афганистана в 80-е годы. Они имели собственное руководство в лице авторитетных религиозных лидеров, многие из которых являлись выпускниками Пенджабского и других исламских университетов. По совместительству большинство полевых командиров состояли также на службе в

пакистанской разведке ИСИ, получая из Пакистана щедрое материальное обеспечение. Почти во всех подобных отрядах имелись также пакистанские военные советники.

В это же время в пуштунских областях самого Пакистана активно создавалась разветвленная сеть религиозных учебных заведений - медресе. Они предназначались в первую очередь для детей и подростков пуштунского происхождения, - часто сирот, - составлявших в тот период значительную часть осевших в Пакистане афганских беженцев. Исламабад стремился таким образом распространить и упрочить свое влияние на пуштунскую молодежь Афганистана. Следует также отметить, что в создании сети медресе самое активное участие приняло и руководство Саудовской Аравии. При этом Эр-Рияд преследовал сразу несколько целей. С одной стороны он намеревался именно таким образом продемонстрировать всему исламскому миру заботу о воспитании подрастающего поколения и подтвердить свой статус опекуна и защитника всех мусульман, а с другой - предполагалось расширить саудовское влияние в центральноазиатском регионе, особенно в пуштунских районах Западного и Юго-Западного Афганистана, граничащих с Ираном - традиционным главным соперником династии Ас-Сауд в регионе, а с 1979 года еще и претендентом на звание "светоча истинной веры".

Право организации и преподавания в медресе пакистанское правительство предоставило знаменитой фундаменталистской партии "Джамаат-е ислами" Маудуди. Партийные функционеры уже имели к тому времени богатейший опыт в создании многочисленных исламских учебных центров, равно как и в проведении активной пропагандистской работы в среде подростков. Еще в конце 40-х - начале 50-х годов, с целью "восполнения пробела в религиозном образовании мусульманских детей", они создали собственную разветвленную сеть медресе во всех мусульманских районах Индии. Для этих религиозных школ уже тогда была разработана специальная программа обучения (кстати, оказавшая впоследствии значительное влияние на составление программ преподавания во вновь созданных медресе на территории бывшего Советского Союза). Помимо этого, в Индии и Пакистане активистами "Джамаат-е ислами" открывались бесплатные общественные библиотеки, читальные залы, центры по ликвидации неграмотности мусульманского населения. Вся эта просветительская деятельность сопровождалась предоставлением социальной и гуманитарной помощи малоимущим семьям, а также пострадавшим от различных природных катаклизмов, которые вовсе не редкость на Индостане.

Именно эта система использовалась исламистами из "Джамаат-е ислами" в их работе с афганскими пуштунами. Десятки тысяч детей и подростков были приняты в специальные школы-интернаты, где в условиях строжайшей дисциплины воспитывались под присмотром фанатичных религиозных наставников. Здесь молодые пуштуны изучали Коран и законы шариата.

После вывода советских войск из Афганистана в 1989 году и особенно после падения режима Наджибуллы в апреле 1992 года, молодые пуштунские боевики в подавляющем большинстве отошли от военно-политической деятельности. При этом часть афганских пуштунов просто разошлась по своим домам, остальные же вернулись в Пакистан, где, следуя за своими боевыми и религиозными лидерами, разъехались по многочисленным медресе, чтобы продолжить прерванное войной духовное самосовершенствование. Сняв с себя автомат, вчерашний грозный моджахед вновь превращался в обыкновенного учащегося религиозной школы. Такие люди во всем исламском мире называются арабским словом "талиб", что означает "студент" или "учащийся". Отсюда и появившееся позднее название движения - "Талибан". Во всем Западном Пакистане к концу 1992 года

насчитывались тысячи таких "студентов", готовых в любой момент продолжить борьбу под знаменами Аллаха. В то время это были уже молодые мужчины 25-35 лет, как правило группировавшиеся по бывлой принадлежности к отрядам. Они учились в одном медресе, а их религиозными наставниками становились их же бывшие командиры.

Существовала, однако, и другая категория "талибов". Состояла она из пуштунской молодежи 80-х. За прошедшее десятилетие эти "дети войны" выросли совершенно оторванными от внешнего мира религиозными фанатиками, причем, будучи в свое время отданы на учебу многодетными и нищими родителями или попав сюда сиротами, они уже практически забыли своих родных, и семьей считали собратьев по учебе и, разумеется, наставников, по одному слову которых готовы были отдать жизнь. По сути, эти люди образовали сплоченное и в высшей степени дисциплинированное религиозное братство, где любой учебный материал из уст преподавателя воспринимался, словно божественное откровение, а любой совет превращался в приказ к действию.

Обе группы "студентов" придерживались одинаковых идеологических взглядов, заимствованных в свое время пакистанскими исламистами у саудовских ваххабитов. Вместе с тем, - и это чрезвычайно важно, - все они составляли гомогенную в этническом плане массу и общались между собой на различных диалектах языка пушту.

Глава 35. Опасные гости

В определенный момент, однако, - приблизительно в 1992-93 годах, - число "талибов" достигло угрожающих размеров, так что пребывание столь многочисленной и фанатичной массы воинственных пуштунов на территории Пакистана стало вызывать серьезные и вполне оправданные опасения правительства в Исламабаде. С одной стороны, не были забыты давние претензии этого народа на независимость от Пакистана и создание на части его территории, а также на территории Афганистана "Великого Пуштунистана". С другой - пуштунские радикалы были готовы вести "священную войну" против любого, кто показался бы их фанатичным лидерам "западником" и вероотступником. А вероятность того, что рано и или поздно учителя "талибов" обвинят в этих грехах само выпестовавшее их пакистанское руководство была более чем высока. Таким образом, из оружия сдерживания советских войск и борьбы с Кабулом фанатичные студенты-боевики превратились в обузу - подобная судьба наверняка постигнет их "коллег" из организации "Хизбалла" как только Израиль подпишет мирное соглашение с Сирией и выведет свои войска из Южного Ливана. Уже сегодня ни израильские, ни западные аналитики не исключают возможности будущих вооруженных столкновений между отрядами "Хизбаллы" и сирийской армией. Подобные инциденты, правда, в весьма ограниченных масштабах, уже происходили в прошлом, и никто не может гарантировать, что они, в гораздо большем объеме, не повторятся в будущем. Именно в такой ситуации и оказалось пакистанское правительство в начале уходящего десятилетия. Оно, правда, очень быстро нашло религиозным пуштунским фанатикам новое применение, благо геополитических амбиций у Исламабада было хоть отбавляй.

АФГАНСКИЙ КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ

Когда в начале 90-х годов, после развала Советского Союза, на политической карте Средней Азии появились новые независимые государства, между Пакистаном, Ираном и Турцией развернулось интенсивное соперничество за политическое и, главное, экономическое лидерство в регионе. Помимо открывшегося внезапно гигантского рынка,

новые государства представляли собой поистине неисчерпаемый кладезь энергоресурсов, на транспортировке которых можно было заработать баснословные суммы.

Однако на начальном этапе более близкие в географическом плане Иран и Турция (использовавшие также этническое и языковое родство с народами новых центральноазиатских республик) обошли Пакистан. Исламабад, занимавший бесспорно выгодное положение за счет выхода к Индийскому океану, не мог реализовать свои потенциальные возможности: между ним и вожделенными нефте-газовыми месторождениями лежал вновь раздираемый войной Афганистан, и проведение через его территорию каких-либо коммуникаций, тем более трубопровода, представлялось задачей совершенно нереальной.

В дальнейшем положение Пакистана еще более ухудшилось. В 1992 году в состав Организации экономического сотрудничества (ЭКО), до того объединявшей Иран, Пакистан и Турцию, вошли также Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан и, наконец, Афганистан. Таким образом, общее население стран-членов ЭКО достигло 300 миллионов человек. Соответственно ставки в большой азиатской игре резко подскочили. Однако Пакистан вновь оказался позади. Из всех стран ЭКО он, граничащий лишь с труднопроходимыми районами Юго-Восточного Ирана и беспокойным Афганистаном, оказался в наихудшем положении. При этом все попытки правительства Беназир Бхутто примирить враждующие афганские партии неизменно завершались провалом. И вот, наконец, когда все надежды на изменение сложившейся ситуации уже, казалось, были потеряны, Исламабаду выпала козырная карта. Произошло это, в середине 1994 года: пакистанский премьер получила официальное приглашение посетить 27 октября Ашгабат по случаю празднования Дня Независимости Туркменистана.

Для справки:

Передел сфер влияния в Средней Азии и Закавказье, главной целью которого являлось установление контроля над нефте-газовыми ресурсами региона, начался практически сразу же после распада Советского Союза. Причем, наиболее активными на этом поприще оказались американцы и саудовцы - бывшие главные спонсоры афганских моджахедов. Однако в 1992 году произошло практически невероятное: аргентинская нефте-газовая компания "Bridas" (штаб-квартира в Буэнос-Айресе) подписала договор с правительством Туркменистана о разработке месторождения Яшлар и последующей транспортировке газа в Пакистан. При этом "Bridas" опиралась на поддержку пакистанского правительства во главе с Беназир Бхутто, которое со своей стороны обязалось навести порядок в Афганистане. И действительно, весной 1992 года в Пешаваре представителями противоборствующих афганских организаций было достигнуто соглашение об урегулировании ситуации в стране. Однако уже в августе пешаварские договоренности утратили всякое значение и, бои в Афганистане вспыхнули с новой силой. То был подготовительный этап вступления в борьбу за среднеазиатские энергоресурсы конкурентов "Bridas" - американской нефте-газовой компании "UNOCAL International Energy Ventures, Ltd" и саудовской "Delta Oil Company". Разумеется, не обошлось и без вмешательства России, однако ее влияние на события в Афганистане все же не было решающим.

В декабре 1995 года президент Туркменистана Ниязов официально объявил представителям "Bridas" о разрыве контракта с компанией. Подобный далекоидущий шаг туркменского лидера был тщательно подготовлен высокопоставленными эмиссарами из Вашингтона: в частности, известно об огромной роли, которую в этом процессе сыграл бывший глава Госдепартамента США Генри Киссинджер, являющийся политическим

советником руководства UNOCAL. После победы в Туркмении американская администрация попыталась оказать нажим на Беназир Бхутто, чтобы заставить пакистанского премьера согласиться на подписание контракта с UNOCAL. В марте 1996 года Исламабад посетил некий высокопоставленный американский дипломат, который имел с госпожой Бхутто серию конфиденциальных бесед на эту тему. Имя дипломата известно не было, однако можно предположить, что речь идет о советнике американского госсекретаря по проблемам Юго-Восточной Азии Робине Рафаэле. В апреле того же года он уже открыто прибыл в Пакистан и Афганистан, а в августе совершил аналогичную поездку, заехав заодно в среднеазиатские столицы и Москву. Цель этих вояжей была одна - лоббирование интересов компании UNOCAL. В это время в Афганистане уже шли ожесточенные бои между недавно созданным при активном содействии пакистанской спецслужбы ISI движением "Талибан" и правительственными войсками Раббани. В мае 1996 года представители "Bridas" пытались установить контакты с талибами, однако безуспешно. В конце сентября того же года талибы захватили Кабул, а 1-го октября вице-президент UNOCAL Крис Таггерт сделал сенсационное заявление, в котором приветствовал победу движения "Талибан", означавшую, по его словам, начало новой эпохи стабильности экономического процветания Афганистана. Тогда же, в октябре, немецкое издание "Frankfurter Rundschau" сообщило о тесных связях руководства талибов и UNOCAL, а также о намерении компании провести нефтепровод от Красноводска в Туркменистане до пакистанского города-порта Карачи. Позже появилась информация о том, что UNOCAL собирается разрабатывать Давлетабад-Донмезское и Чарджоуское месторождения в Туркменистане, которые будут соединены трубой с пакистанским городом Мултан. Соответствующие эксклюзивные права компании были предоставлены президентом Ниязовым также в октябре 1996 года, а месяц спустя, в ноябре, руководство UNOCAL объявило о возможности подписания аналогичного соглашения с правительством Узбекистана, что позволяло говорить о создании единого Центрально-азиатского нефте-газопровода (САОР) до побережья Аравийского моря. При этом в качестве партнеров американцы называли узбекские компании "Delta Oil Pipeline Company" и "Delta Oil Company" - филиалы уже упоминавшегося саудовского нефте-газового гиганта.

Глава 36. «Полет бурака»

Ровно в 22.00 11 сентября 1994 года в кабинет начальника Межведомственного разведывательного управления (ИСИ) вошел высокопоставленный офицер, ветеран пакистанской разведки Султан Амир, проходящий в ее картотеке как "Имам". В этой окутанной завесой секретности цитадели специальной службы Амира уже ждали трое весьма любопытных господ. Во главе обитого зеленой материей длинного рабочего стола, на фоне огромного, во всю стену полотна пакистанского флага, важно восседал хозяин кабинета Джавед Ашраф Аффриди. По правую руку от него вальяжно развалился в мягком кресле глава МВД Насрулла Бабар, а прямо напротив него, на другом краю стола, устроился другой "зубр" пакистанской разведки, человек по имени Хамед Гул.

Из досье Насруллы Бабара

Министр внутренних дел Пакистана в правительстве Беназир Бхутто. По происхождению - пуштун, уроженец восточнопакистанского города Кохат. Свободно владеет несколькими диалектами языка пушту. В 74-м, через год после прихода к власти Пакистанской народной партии во главе с Зульфикаром Али Бхутто, Бабар был возведен в чин генерала и назначен военным советником премьера по афганским вопросам. В 1974-75 установил тесные контакты с лидерами афганской исламской оппозиции Раббани и Хекматияром.

Принимал непосредственное участие в организации антиправительственных выступлений в северных и восточных провинциях Афганистана летом 1975 года.

Из досье Хамеда Гула

Отставной генерал, шеф ИСИ до 1989 года. Принимал активное участие в разработке и проведении крупномасштабных операций афганских моджахедов. В 80-е годы сотрудничал с американцами, был лично хорошо знаком со многими высокопоставленными офицерами вооруженных сил США, а также с сотрудниками ЦРУ, действовавшими на территории Пакистана и Афганистана. В частности, поддерживал дружеские отношения с главой американской военной миссии в Пакистане Г.Уоссомом. Смещен с занимаемой должности премьером Беназир Бхутто, стремившейся ограничить участие военных офицеров в политической борьбе. В 1993 году вновь востребован в связи с активизацией военных действий на территории Афганистана между сторонниками Рабани и Хекматияра. Играл роль посредника между враждующими сторонами.

Все собравшиеся в кабинете Африди прекрасно знали друг друга по многолетней совместной работе. Более того: они располагали богатейшим опытом работы в Афганистане и, что не менее важно, практически исчерпывающей информацией о событиях, происходящих на огромных просторах исламского мира - от Дагестана и Чечни до Индонезии и от Египта до китайского Синцзяна. И вот теперь им предстояло в течение одной ночи найти решение поставленной правительством задачи - разработать конкретный план установления контроля над раздираемым войной Афганистаном. Задача эта была поистине архисложна, однако утром 12 сентября шеф ИСИ доложил премьеру, что решение найдено и получил "добро" на самые решительные действия. Так появился на свет секретный план пакистанской разведки, получивший кодовое название "Полет Бурака" - в честь мифического коня, на котором пророк Мухаммад совершил свой знаменитый перелет из Мекки в Иерусалим.

Глава 37. Неудавшаяся месть премьера

Позже, в 1995 году, аналитики спецслужб, политологи, востоковеды и журналисты будут выдвигать всевозможные, подчас совершенно фантастические версии "внезапного" появления и поразительных военных успехов движения "Талибан". Начнут искать исторические корни талибов, вспоминая названия многочисленных пуштунских племен и копаясь в старых переводах пуштунского правового кодекса "Пуштун-вали". Однако истинная история их происхождения осталась тогда сокрытой от всего мира плотной завесой секретности, окружавшей операцию "Полет Бурака". ИСИ умеет хранить свои тайны.

Приблизительно в начале 1996 года в западной прессе стала появляться первая достаточно туманная информация о решающей роли Пакистана, а также о поддержке, оказанной саудовцами и американцами при создании движения "Талибан". Большая часть сообщений представляла из себя автоматическое воспроизведение целенаправленных информационных "сливов" заинтересованных спецслужб, - в первую очередь прекрасно осведомленной о пакистанских и афганских делах разведки соседней Индии, - что сказалось на их качестве. И лишь в октябре 1996 года Исламабад в лице главы правительства Беназир Бхутто официально подтвердил собственную ведущую роль, а также участие Судовской Аравии, США и Великобритании в организации и финансировании новой афганской оппозиции. Начинался интереснейший период в истории региона, полный весьма странных событий. Так, за месяц до сообщения, 20

сентября, в городе Карачи был убит родной брат пакистанского премьера, 41-летний Муртаза Бхутто. В 1993 году он вернулся на родину из Дамаска после 13 лет изгнания и являлся, как это ни парадоксально, одним из наиболее опасных политических соперников своей сестры. Именно поэтому в его смерти оппозиция обвинила Беназир и ее мужа, министра инвестиций Асифа Али Зардари. Чета Бхутто и без того подвергалась яростной критике за якобы имевшие место коррупцию, превышение полномочий, nepotизм и нарушение прав человека (оппозиция на Востоке вообще любит поиграть этим расхожим термином), так что президент страны Фарук Легари предпочел побыстрее отправить непопулярного премьера в отставку. В этом ему всячески способствовал главнокомандующий пакистанской армии Джехангир Карамат. Сама Беназир оказалась тогда под временным домашним арестом, а ее супругу вообще пришлось вкусить все прелести заключения в пакистанской тюрьме.

Впоследствии стало известно, что сразу после убийства брата Бхутто получила из осведомленного источника предупреждение о готовящемся против нее заговоре. Именно тогда она попыталась дискредитировать высокопоставленных оппозиционеров в глазах международной общественности, обвинив их в создании и поддержке движения "Талибан". К тому же Беназир хотелось перевести внимание с собственной далеко не ангельской персоны на темные дела армейского командования и спецслужб, а также их зарубежных союзников. В интервью радиостанции Би-Би-Си она, в частности, заявила, что оружие талибам поставляли США и Англия на деньги Саудовской Аравии, а афганские беженцы-пуштуны, входящие в боевые формирования движения "Талибан", проходили подготовку на территории ее страны. Так, собственно, и появилось на свет официальное признание Исламабада, упоминавшееся выше. В этой связи можно заметить, что Бхутто еще сравнительно легко отделалась, оказавшись за свои откровения под домашним арестом: в 1977 году ее отец запалатил жизнью за попытку ограничить влияние армии и разведки в пакистанском обществе.

Глава 38. Цена старого шоссе

AP Photo/Dario Lopez-Mills

Впрочем, все это - и убийство Муртазы Бхутто, и разоблачения Беназир, и ее отстранение от власти - еще только будет в конце 1996 года. А в сентябре 94-го в Пакистане и соседнем Афганистане полным ходом разворачивались мероприятия, предусмотренные планом "[Полет Бурака](#)". При этом, времени у его разработчиков было в обрез, а работы - непочатый край. Напомним, что на 27 октября, День независимости Туркменистана, Беназир Бхутто была приглашена в Ашгабат. Именно там она надеялась добиться подписания ряда взаимовыгодных договоров, которые помимо чисто экономического имели также и огромное политическое значение. Так, например, один из предлагавшихся Бхутто проектов предполагал установление постоянных тесных коммерческих отношений между Пакистаном и Туркменистаном по автошоссе, соединяющему пакистанский город Кветта и туркменский Кушка. Эта старая транспортная артерия, строительство которой относится к началу 70-х годов, проходит по территории Афганистана, через города Кандагар и Герат. Ей, разумеется, требовался капитальный ремонт, приблизительная оценочная стоимость которого достигала 300 миллионов долларов, однако главная проблема заключалась вовсе не в качестве дорожного полотна, а в старой, как сам Восток, необходимости обеспечить безопасность караванов с грузами.

Бхутто прекрасно понимала, что в случае, если Пакистану не удастся продемонстрировать свою способность реально обезопасить движение по шоссе, денег на его восстановление она не получит и вообще о развитии пакистано-туркменских отношений можно будет надолго забыть. Совсем иначе обстояли бы дела, если бы удалось доставить к туркменской границе, причем не на броне танков, значительное количество товаров. Предоставив такое доказательство способности Исламабада контролировать ситуацию в Афганистане, можно было бы рассчитывать на осуществление двух других проектов - прокладку железнодорожной ветки из Туркменистана в Пакистан через западные районы Афганистана, а также проведение приблизительно по тому-же пути газопровода. На тот момент американская компания UNOCAL, саудовская "Delta oil company", а также аргентинская "Bridas" уже заверили Исламабад в своей готовности вкладывать деньги в последний, считавшийся в высшей степени перспективным, проект.

Глава 39. Хорошо оплаченная слепота

AP Photo/Dario Lopez-Mills

Саудовцы, проявлявшие повышенную заинтересованность как к экономической, так и к политической стороне дела, подключились к проведению операции "Полет Бурака" уже на ее начальных этапах. В первую очередь они предоставили пакистанцам широкую финансовую помощь. Как в старые добрые времена Афганской войны огромные суммы в долларах поступали в распоряжение пакистанской разведки ИСИ. Формально они переводились различным благотворительным организациям и гуманитарным фондам через работающие с нефтяными компаниями Саудовской Аравии коммерческие банки и прочие кредитно-финансовые учреждения на Багамских островах. Звеньями одной гигантской цепи являлись банковские системы Египта, Судана и даже небольшой исламской республики Джибути.

Кстати, пример Джибути весьма показателен, поскольку наглядно демонстрирует принцип выбора каналов перевода денег. Начало 90-х годов в этой африканской стране охарактеризовалось ростом внутривнутриполитической напряженности: столкнулись интересы двух наиболее крупных этнических групп страны - исса и афар. Летом 1991 года афарская оппозиция создала так называемый "Фронт за восстановление единства и демократии", начавший вооруженную борьбу против правительства. В июне 1992 года Фронт вместе с прочими оппозиционными партиями и движениями, образовал "Объединенный фронт оппозиции", который выступил против референдума по вопросу о принятии конституции. Однако оппозиция проиграла: вовремя полученные от все той же Саудовской Аравии деньги позволили президенту Хасану Гуледу Аптидону обеспечить нужную подготовку референдума и, в результате, конституция была принята 96 процентами голосов. В знак благодарности джибутийские власти не совали впоследствии свой нос в финансовые дела патронов, проворачиваемые на территории их страны.

Глава 40. Крестный отец бесконечной войны

Координацией саудовско-пакистанского сотрудничества в области разведки, равно как и вопросами его финансирования, занимался [принц Турки аль-Фейсал](#), шеф Службы общей разведки Саудовской Аравии. Турки - внук основателя современного Саудовского королевства Абд аль-Азиза и сын короля Фейсала. Необходимо отметить, что внуки

Абдаль-Азиза - это совершенно особая каста в саудовской правящей иерархии, приобретшая политический вес не только благодаря происхождению, но, в основном, в силу полученного образования. Это так называемые "королевские технократы". В этой группе выделились как раз дети Фейсала. Обладатель диплома Принстонского университета Сауд аль-Фейсал стал министром иностранных дел, Халид - губернатором юго-западной провинции Асир, Саад - заместителем директора Генеральной организации нефти и минеральных ресурсов "Петромин", Абдалла - влиятельным бизнесменом и знаменитым поэтом, а Турки избрал для себя профессию разведчика. Первоначально он являлся заместителем директора Департамента внутренней разведки Саудовской Аравии, а впоследствии - шефом Службы общей разведки.

Турки аль-Фейсал

Турки аль-Фейсал, давний друг и соратник по общему делу таких известных лидеров афганской оппозиции как Раббани и Хекматияр, в 1979-81 годах лично курировал деятельность в Афганистане и Пакистане Осамы бин-Ладена и считается высококлассным специалистом по афганской тематике. Начало его сотрудничества с пакистанскими спецслужбами по вопросам Афганистана восходит еще ко второй половине 70-х годов, когда он участвовал в операциях по финансированию афганской оппозиции. Имел он и непосредственное отношение к созданию в Пакистане медресе для детей афганских беженцев.

Возвращение "Имама"

Между тем, в конце сентября 1994 года операция "Полет Бурака" вступила в свою первую стадию. Недели через две после заседания в кабинете Африды в небольшом кишлаке, расположенном между пограничным пакистанским городом Чаман и южно-афганским городком Спин-булдук, уже знакомый нам Султан Амир, он же "Имам", встретился с лидерами пуштунских талибов Афганистана. С большинством из них он был знаком еще со времен Афганской войны. Тогда, в конце 70-х он вернулся в Пакистан после прохождения курса специальной подготовки на базе "зеленых берертов" в Форт-Брэгге, что в Северной Каролине. К тому времени в восточных районах Пакистана были созданы десятки тренировочных лагерей, в которых американские и пакистанские инструкторы готовили боевиков афганской исламской оппозиции. В обязанности "Имама" входила подготовка диверсантов и разведчиков. Многие из тех, кто, будучи еще совсем молодыми, тренировались тогда под его руководством, теперь приехали на встречу уже со своими учениками. Оставив изучение сур и хадисов, они поспешили на встречу со своим старым учителем, "устазом". По дороге сюда Амир вспомнил слова министра Бабара, произнесенные им той ночью в кабинете шефа разведки: "Караван с товарами должен достичь туркменской границы любой ценой! И мне наплевать на человеческие жертвы...". Эта фраза врезалась в память бывалого вояки особенно глубоко. Формально командование операцией было возложено на Бабара, однако вести караван и руководить людьми должен был он, Султан Амир.

На встрече с талибами "Имаму" удалось договориться о том, что к 29 октября его бывшие воспитанники организуют несколько мобильных групп из опытных и надежных людей, которые рассредоточатся на всей протяженности южного и наиболее опасного участка шоссе Кветта-Кушка. В случае возникновения реальной опасности эти группы и должны были прийти на помощь шедшему из Исламабада каравану. Однако то была лишь первая и наиболее легкая часть миссии Амира. Необходимо было не просто убедить талибов принять участие в данной конкретной операции, но и заручиться их согласием на дальнейшее "усмирение" охваченного междоусобной войной Афганистана.

"Афганистан победить нельзя. Афганистан можно только купить. А вы - беднее и нефтяных королей, и беднее Америки..."

А.Майоров, "Правда об Афганской войне"

Ранним утром 29 октября 1994 года караван из трех десятков трейлеров и семи машин сопровождения пересек пакистано-афганскую границу. Вел колонну сам Султан Амир. Дальнейшие события предсказать было вовсе не трудно: пакистанцы казались слишком заманчивой и слишком легкой добычей, чтобы их беспрепятственно пропустили через афганскую территорию. К тому же они не предупредили местных "хозяев" о своем визите, а это уже и вовсе был прямой вызов. И действительно, спустя примерно пятьдесят минут машины Амира были атакованы отрядом полевого командира Нияза Вайанда...

Глава 41. Пакистанские спонсоры пуштунской мечты

Солдаты пакистанской армии REUTERS/str

Переговоры с лидерами талибов проходили достаточно сложно, и Султану Амиру пришлось пустить в ход все свое красноречие. Результат, однако, оказался, с точки зрения Пакистана, более чем удовлетворительным: "студенты" согласились не только обеспечить каравану надежное прикрытие, но также, сразу же по прибытии его в Туркменистан, начать из Кандагара военный поход на север. По сути, то был прямой путь к осуществлению давнего их заветного желания создать в Афганистане "истинное государство шариата", вся власть в котором принадлежала бы исключительно правоверным пуштунам. И вот теперь, когда Исламабад вызвался финансировать осуществление этой мечты, талибы дали свое согласие вновь взяться за оружие. Кстати, об оружии: от имени пакистанского правительства Султан Амир пообещал руководству талибов поставки легкого стрелкового и тяжелого вооружения, а также всей необходимой техники. Помимо этого были оговорены условия материального снабжения воюющих отрядов, предоставление тренировочных лагерей и военных инструкторов. Взамен Исламабад требовал установления талибами контроля на всей западной частью Афганистана уже к августу-сентябрю следующего года, а в дальнейшем и захвата Кабула. Падение афганской столицы, с одной стороны, символизировало бы поражение правительства Бурхануддина Раббани, а с другой - открывало более короткий путь из Пакистана в государства Средней Азии по маршруту Пешавар-Кабул-Термез. В случае захвата Кабула и создания там талибами собственного правительства им было обещано признание их Пакистаном, Саудовской Аравией и некоторыми арабскими странами Персидского залива. При условии же быстрого покорения всего Афганистана можно было ожидать и благосклонного отношения со стороны Вашингтона - победителей, как известно, не судят.

Примечательно, что в то время, как на южной границе Афганистана Султан Амир обсуждал с лидерами талибов детали предстоящей операции, в Пакистане уже полным ходом шли приготовления к ней. Очевидно, здесь были уверены в исходе переговоров. В Равалпинди даже сформировали группы военных специалистов и сотрудников разведки для работы в районах будущих боевых действий. А в Пешаваре к отправке в Афганистан готовили различную военную технику, средства связи, медицинское оборудование. Ежедневно в тренировочные лагеря на территории Восточного Пакистана вербовались сотни молодых людей из числа пакистанских талибов. На базах Мирам-шах, Чарсада,

Варсак и Саада из них формировали боевые отряды, командирами которых назначались признанные религиозные и военные лидеры. Костяк каждого такого отряда состоял из ветеранов Афганской войны.

Первая победа

Итак, караван под руководством Султана Амира, пересекший 29 октября 1994 года пакистано-афганскую границу, почти моментально подвергся атаке со стороны моджахедов Нияза Вайанда. То был один из местных полевых командиров Гульбеддина Хекматияра, действовавший в районе южной провинции Кандагар. Данная область имела важное значение для группировки Хекматияра, поскольку через нее проходят пути транзитной торговли наркотиками, ведущие в сопредельные районы Ирана и Пакистана.

Нияз считал несогласованное с ним продвижение каравана Амира по подконтрольной ему территории крайней наглостью, а потому все содержимое грузовиков должно было перейти в его, Нияза, личное владение. Такова уж местная логика. К тому же вторжение чужаков явилось нарушением установившейся монополии наркоторговцев на провоз караванов по этим землям. В результате, боевики Вайанда атаковали пакистанцев, между ними и охранниками каравана завязался жестокий бой. Однако в самый его разгар в спину людям Нияза совершенно неожиданно ударили появившиеся из-за окрестных гор боевики "неизвестного происхождения". То были талибы. Не ожидавшие такого поворота событий нападавшие были вынуждены теперь обороняться и попытались спастись бегством. Талибы преследовали их на протяжении многих километров и безжалостно добивали раненых кривыми пуштунскими кинжалами.

Сюрприз для Туркменбаши

Между тем в конце октября - начале ноября 1994 года на торжества по случаю празднования Дня независимости Туркменистана в Ашгабат собрался весь цвет региональной политической элиты. Среди гостей выделялись президенты Ирана и Турции Али Акбар Рафсанджани и Сулейман Демирель, и, конечно же, премьер Пакистана, "несравненная" Беназир Бхутто. В перерывах между официальными церемониями и торжественными банкетами они обсуждали с туркменским президентом Сапармуратом Ниязовым важнейшие вопросы двусторонних отношений, прибыльные проекты экономического сотрудничества, подписывали межгосударственные соглашения. Когда Бхутто выдвинула предложение установить постоянный сухопутный товарообмен между Пакистаном и Туркменистаном через территорию западного Афганистана, а в дальнейшем и провести через этот район газопровод и железную дорогу, Туркменбаши едва сдержал улыбку. Впрочем, соблюдая правила восточного гостеприимства, он не стал возражать этой очаровательной женщине. Наоборот, вежливо согласился: "Если бы через беспокойный Афганистан можно было провести хоть одну машину с товарами, я бы с радостью принял ваше предложение!". Как раз в эти минуты туркмено-афганскую границу, в районе приграничного населенного пункта Тургунди, пересек караван Султана Амира...

Глава 42. Жертвоприношение эмира Омара

Сразу после описанных событий на политической карте Афганистана "внезапно" появилось фундаменталистское военно-политическое движение "Талибан". За четыре

месяца стремительного продвижения на север талибы взяли под свой контроль практически всю южную часть Афганистана. Их главной опорной базой стала древняя пуштунская столица Кандагар. Возглавил новое движение до того мало известный мулла по имени Муххаммад Омар, носящий также титул "эмир аль-муаминин", то есть "предводитель верующих". Примечательно, что титулом этим величали на заре ислама великих халифов, преемников пророка Мухаммада.

Наконец, в феврале 1995 года талибы победно вступили в провинцию Кабул и устремились к афганской столице. Их наступление сопровождалось страшной резней членов шиитской общины - таким образом уничтожались все явные и тайные приверженцы иранского режима, в которых, не без основания, видели потенциальных соперников. Эмир Омар спешил, так как времени было в обрез, - в марте в Исламабаде должна была состояться встреча глав государств - членов Организации экономической кооперации (ЕСО), - и потому тысячами посылал своих людей на верную смерть. Когда бывшие студенты с криками "Аллах акбар!" бросались на штурм Кабула, в Исламабаде Сапармурат Ниязов и Беназир Бхутто ставили свои подписи под меморандумом о строительстве газопровода из Туркменистана в Пакистан через территорию Афганистана. Проведенную по плану "Полет Бурака" грандиозную операцию можно было считать успешно завершенной.

Желание Вашингтона - закон

В апреле 1995 года под контролем соединений Мухаммада Омара находилась уже почти треть всей территории Афганистана. В этом же месяце Беназир Бхутто посетила с официальным визитом Вашингтон. Ее поездке предшествовали весьма показательные высказывания двух ведущих американских политиков. За несколько недель до приезда Бхутто, в своем первом значительном выступлении по вопросам внешней политики, сделанном в рамках начавшейся предвыборной кампании, сенатор Роберт Доул заявил, что безопасность мировых запасов нефти и газа относится к категории важнейших стратегических интересов США и их союзников. Отметив, что война в Персидском заливе продемонстрировала озабоченность США по поводу ситуации в нефте-газовом регионе мирового значения, он добавил: "Теперь границы этого региона раздвинулись на север... Необходимо внести коррективы в дислокацию наших военных сил и в нашу дипломатическую линию".

Вслед за Доулом выступил и сам президент США Билл Клинтон. В своей речи он заметил, что следовало бы пересмотреть американские санкции, введенные против Исламабада еще в 1990 году в связи с его ядерной программой. Клинтон также добавил, что необходимо разработать "иные подходы" в отношениях с Пакистаном. А 11 апреля он принял в Белом доме Беназир Бхутто. Сама она впоследствии охарактеризовала прошедшие переговоры как "открывающие эпоху значительных перемен в отношениях Вашингтона и Исламабада". По возвращении домой, выступая на пресс-конференции, Беназир сообщила, что вернулась "не с пустыми руками".

Полгода спустя, в октябре 95-го, правительство Туркменистана предоставило американской компании "UNOCAL International Energy Ventures Ltd" и саудовской "Delta oil company" права на создание консорциума для строительства газопровода от туркмено-афганской границы до Мултана, что на востоке Пакистана. В последствии это привело к судебной тяжбе американцев с известной аргентинской компанией "Бридад", также намеревавшейся экспортировать газ туркменского месторождения Яшлар в Пакистан. Проблема заключалась в том, что еще в 1992 году аргентинцы подписали с туркменским

правительством соглашение о добыче и транспортировке местного газа, и вот теперь оно было грубо нарушено в угоду политическим интересам Ашгабата.

Битва за Кабул

Одновременно со штурмом Кабула тяжелый удар был нанесен и по отрядам Гульбеддина Хекматияра, к тому времени вновь находившегося в оппозиции правительству Бурхануддина Раббани. Позиции этого непримиримого вождя моджахедов и без того были серьезно подорваны продвижением талибов, так как до их появления его основные силы размещались главным образом на юге страны. Теперь же Хекматияр был вынужден покинуть свою штаб-квартиру, находившуюся в горном районе южнее Кабула. К середине марта войска Раббани и его союзников сумели выбить талибов из южных пригородов города. Закрепившись в его окрестностях, отряды движения "Талибан" принялись почти непрерывно подвергать столицу артиллерийским обстрелам. Одновременно они резко активизировали свои действия в южных районах Афганистана, откуда вскоре были изгнаны последние сторонники Хекматияра. 5 сентября 1995 года талибы практически без боя заняли один из крупнейших городов страны Герат. Таким образом, уже упоминавшееся шоссе Кветта-Кушка полностью перешло под их контроль. Известно, что Султан Амир, работавший в Герате под "крышей" пакистанского дипломатического представительства, принимал непосредственное участие в разработке операции по захвату Герата талибами. Очевидно узнав об этом, правительство Раббани обвинило в падении города пакистанские спецслужбы, а в Кабуле было тотчас разгромлено и подожжено посольство Пакистана.

Обращают на себя внимание и следующие любопытные факты. Так, сразу же после взятия талибами Герата пакистанский президент Фарук Легари посетил Ашгабат, где провел презентацию проекта газопровода Туркменистан-Афганистан-Пакистан. А две недели спустя Сенат США действительно смягчил санкции в отношении Исламабада.

Мухаммад Омар и его патроны осознавали необходимость как можно скорее закрепить достигнутые военные и дипломатические успехи: в октябре 1995 года талибы вновь пытались взять штурмом Кабул, однако и на этот раз потерпели неудачу. Бывшие хозяева Афганистана предпринимали лихорадочные попытки укрепить свои позиции. В конце мая 96-го ранее враждовавшие друг с другом Раббани и Хекматияр подписали соглашение о создании общего правительства и сотрудничестве против движения "Талибан". Подписание этого документа крайне негативно воспринял старый противник Хекматияра Ахмад-Шах Масуд, поскольку в свое время Хекматияр санкционировал убийство его брата. После этого в Кабуле начался дележ портфелей в уже практически импотентном правительстве. Пока новые союзники дрались за ничего не значащие посты и сводили одновременно старые счеты, талибы в сентябре 1996 года захватили административный центр расположенной на границе с Пакистаном провинции Нангархар город Джелалабад. Этот населенный пункт имеет огромное стратегическое значение, так как именно через него проходит шоссе Пешавар-Кабул. После того, как эта дорога из Пакистана к афганской столице оказалась в руках талибов, с востока в сторону Кабула потекло новое подкрепление в живой силе и тяжелой технике. Ночью 27 сентября 1996 года, после тяжелых двухдневных боев талибы прорвались в столицу сразу с двух направлений - восточного и южного. Соединения Хекматияра и Масуда поспешно отступили на север. К утру весь Кабул уже находился под контролем талибов. Мир, проснувшись, узнал, что в Афганистане теперь новая власть, причем она еще страшнее и фанатичнее прежней.

Глава 43. Сила золотого тельца

Победа людей Мухаммада Омара стала возможной не только и даже не столько в силу их личных боевых качеств (так, закаленная в боях пехота Масуда по целому ряду показателей намного превосходит отряды талибов). И даже уровень предоставленного пакистанцами оружия сыграл далеко не решающую роль. Определили же все, - и это весьма характерно для Востока, - деньги. Вспомним вынесенное эпитафией к этой части нашего повествования высказывание Хусейна Кармалы, отца Бабрака, относящееся еще к началу 80-х годов. В 96-м Кабул пал, благодаря щедрой финансовой поддержке со стороны все тех же "нефтяных королей". Она поступала по многочисленным каналам и, в том числе, через Осаму бин-Ладена. Известно, например, что незадолго до наступления на Кабул он пожертвовал на нужды движения "Талибан" три миллиона долларов. Эти деньги были использованы для подкупа некоторых правительственных чиновников и полевых командиров, принимавших участие в организации обороны города. Кстати, самой операцией по захвату афганской столицы, согласно индийским источникам, руководил уже знакомый нам начальник Межведомственного разведывательного управления Пакистана Ашраф Африди.

После взятия Кабула Исламабад первым официально признал новый государственный режим Афганистана и установил с ним дипломатические отношения. В это же время афганскую столицу с сугубо неофициальными визитами посетили несколько американских дипломатов. А уже в начале октября президент Клинтон заявил, что готов направить в Кабул представителей Госдепартамента для подготовки открытия там первого посольства США. Помнится, все тот же Хусейн Кармаль упоминал и американцев в качестве возможных "покупателей" Афганистана...

Сегодня, в начале нового тысячелетия, уже совершенно очевидно, что события двух последних десятилетий в Афганистане и окружающем его регионе обусловлены причинами гораздо более глобальными, нежели даже сильнейшее религиозное рвение отдельных их участников вроде опального саудовского миллионера Осамы бин-Ладена или иорданского террориста Хаттаба. Несмотря на то, что пропаганда Америки и России сделала из этих "борцов за веру" настоящих монстров современности, на деле они и подобные им люди - лишь пешки в новой "Большой игре". Для справки: "Большой игрой" называли в прошлом веке страстные игроки англичане геополитические баталии ведущих мировых держав за преобладание в средиземноморско-ближневосточном регионе. Возрождение этой "игры", свидетелями которого все мы являемся, как раз и ведет к активному использованию новыми игроками старой козырной карты, известной под названием "джихада" или "газавата" - как кому больше нравится.

Рассказывая о расползании воинствующего мусульманского фундаментализма за пределы Афганистана мы просто обязаны рассмотреть региональные интересы двух ведущих стран-катализаторов этого процесса - Ирана и Саудовской Аравии. Этим мы и займемся сегодня.

Возрождение "Большой игры"

С момента распада Советского Союза наблюдается процесс наращивания присутствия в богатом нефтью и газом центральноазиатском регионе таких мощных ближневосточных государств как Саудовская Аравия, Иран и Турция, а также расположенного на юге азиатского континента Пакистана. Активность их может рассматриваться в двух перспективах. Прежде всего, на не-стратегическом и не-религиозном уровне в ней можно усмотреть попытку перечисленных игроков установить тесные отношения и развить взаимовыгодное торговое сотрудничество со странами региона. При подобном подходе, активность эта кажется вполне благотворной.

Однако стратегическая перспектива дает совершенно иную картину. С момента иранской революции 1979 года Иран и Саудовская Аравия ведут напряженное стратегическое соревнование за влияние как непосредственно в регионе Персидского залива, так и во всем исламском мире. Так, например, на постоянную угрозу региональной стабильности, исходящую от Ирана, Саудовская Аравия ответила созданием Совета кооперации в Персидском заливе (GCC) - организации, превратившейся со временем в орудие достижения саудовского военного превосходства на Аравийском полуострове. Можно также вспомнить, что пока Иран был занят войной с Ираком, саудовцы активно занимались наращиванием собственной военной мощи.

В конце 70-х и затем в 80-х годах росту влияния Эр-Рияда на Ближнем Востоке способствовала также внешняя политика Белого дома, основа которой была заложена администрацией Никсона. Предполагалось наличие одного мощного главного союзника США в регионе, сотрудничество с которым должно было помочь отстоять американские государственные интересы. После 1979 года, когда старый союзник в лице шахского Ирана перестал существовать, акцент был перенесен именно на Саудовскую Аравию. К тому же наличие огромных запасов столь необходимых Западу нефти и газа, а также умелое оперирование ростом цен (благодаря ОПЕК), позволили странам Залива сколотить баснословные состояния и, как следствие, значительно увеличить свой внешнеполитический вес.

События в регионе Персидского залива на рубеже 70-80-х годов и впоследствии, также играли на руку саудовцам. Исламская революция в Иране и угроза ее распространения на соседние страны привела к необходимости значительно усилить службы безопасности Саудовской Аравии и активизировать их работу (особенно после захвата исламскими экстремистами главной мечети в Мекке). Ирано-иракская война также явилась достаточно серьезным поводом для наращивания военной мощи стран Персидского залива, а затем к аналогичным последствиям привела и война 1991 года в Персидском заливе, продемонстрировавшая слабый оборонный потенциал стран-членов Совета кооперации.

Примечательно, что со своей стороны Иран не видел в Саудовской Аравии серьезного военного противника и наращивал свои вооружения в большей степени для отражения военной агрессии со стороны Ирака. Доминантой же в отношениях Эр-Рияда и Тегерана была и остается именно борьба за лидерство - идеологическое, политическое и экономическое, - требующая огромной затраты ресурсов. Однако, согласно прогнозам экспертов, нефтяные запасы стран Персидского залива, и в том числе Саудовской Аравии и Ирана, существенно сократятся уже в ближайшее десятилетие. К тому же все заметнее тенденция перехода к использованию альтернативных энергоносителей, особенно природного газа. Таким образом, источник финансирования противостояния может иссякнуть, причем довольно скоро. Именно поэтому появление после развала Советского Союза возможности проникновения в богатую нефтью и газом Центральную Азию расширило зону самого противостояния на многие тысячи километров.

Как уже было сказано, одним из наиболее существенных средств борьбы за влияние в Центральной Азии оказался мусульманский фундаментализм, причем по причине различной его природы в Иране и Саудовской Аравии обе страны поставили на различные силы в регионе.

Глава 44. Бедность активности не помеха

Мекка. AP Photo/Hasan Sarbakhshian

Что касается Тегерана, то он не оставляет попыток экспортировать свою модель государственного устройства в страны Центральной Азии, подобно тому, как не намерен он отказываться и от поддержки организации "Хизбалла" в Ливане. Как и любой революционный режим, сталкивающийся с серьезными внутривнутриполитическими трудностями, режим аятолл пытается сохранить легитимность своего существования посредством экспорта идей революции и поддержки собственных сателлитов -этаких исламских "островов свободы". Впрочем, в отличие от населения Ливана, большинство жителей стран Центральной Азии являются не шиитами, единоверцами иранцев, а суннитами. Именно поэтому в работе с ними Иран предпочитает концентрироваться на пан-исламском аспекте своей идеологии. В странах Центральной Азии подобный подход вызывает симпатии, особенно на народном уровне. К тому же, преимущество Ирана состоит в том, что его вариант ислама крайне политизирован, активен и направлен на нарушение сложившегося статус-кво в отношениях с неисламским режимом. А это как раз то, что необходимо сегодня фундаменталистским движениям Центральной Азии. Именно поэтому с 1994 года тысячи студентов, главным образом узбекского и таджикского происхождения, проходят учебу в иранских медресе в Тегеране, Куме и Мешхеде. Их приезд сюда стал возможен благодаря деятельности созданной в начале 90-х годов специальной комиссии, цель которой - распространение персидской интерпретации исламского фундаменализма в Узбекистане, Таджикистане и, вообще, всей Центральной Азии.

Напротив, ислам, предлагаемый Саудовской Аравией, консервативен и выступает за сохранение статус-кво. Не пользуется популярностью в исламистских кругах и открыто декларируемая прозападная позиция руководства Саудовской Аравии.

Таким образом, несмотря на то, что до сих пор многие правительства стран Центральной Азии высказываются негативно об исламе иранской модели, это само по себе не является гарантией того, что в будущем бывшие советские аппаратчики не уступят место на политическом Олимпе исламским активистам, тесно связанным с Тегераном. Пока же этого не произошло Иран занимается в Центральной Азии развитием конвенциональных экономических связей, в отличие, скажем, от того же Ливана или Северной Африки, где его вмешательство направлено именно на активизацию местных исламских экстремистов. Граничащий с Азербайджаном и Туркменией и, вообще, более близкий к странам Центральной Азии, нежели Саудовская Аравия, Иран имеет сегодня довольно прочные позиции в регионе. Свое выражение они находят, прежде всего, в целом ряде торговых соглашений и в тесных культурных связях с Азербайджаном, на территории которого проживает большая шиитская община, а также с Таджикистаном, этническая и лингвистическая общность с которым стали мощной базой для кооперации: таджики по культуре близки к иранцам и говорят они на восточном диалекте языка фарси. Еще при предыдущем президенте Ирана Рафсанджани с Азербайджаном был подписан договор о 20 процентах (а это 7,4 миллиарда долларов) в интернациональном нефтяном консорциуме. К тому же периоду относится и соглашение с Казахстаном о транспортировке 2 миллионов тонн нефти-сырца через Каспий в Иран, а также с Туркменистаном - о прокладке газопровода через Иран в Европу.

Вообще, в сотрудничестве с Ашгабатом Тегеран изначально занял ведущие позиции. Еще в октябре 1991 года туркменский президент Ниязов, находясь с официальным визитом в иранской столице, подписал пакет экономических договоров на общую сумму в 130 миллионов долларов. Другой весьма показательный факт: иранское посольство в Ашгабате открылось в начале января 1992 года, тогда как, например, в Ташкенте, столице

Узбекистана, посольство ИРИ открылось лишь в феврале 96-го). Дальше - больше: в январе 92-го был подписан первый ирано-туркменский договор о транспортировке туркменской нефти через территорию Ирана. В марте того же года Тегеран выделил Ашгабату кредит в размере 50 миллионов долларов для закупки товаров иранского производства, а в мае президент ИРИ Рафсанджани посетил туркменскую столицу и подписал со своим туркменским коллегой пакет по экономическому сотрудничеству. Кстати, именно в мае 1992 года, то есть на пике контактов с Ираном, парламентом Туркменистана, меджлисом, был принят закон "Об иностранных инвестициях в Туркменистане". В общей сложности с мая 1992 года по февраль 1997 года состоялось пять плодотворных встреч между президентами обеих стран. Именно установление тесных экономических связей привело к подписанию в августе 1994 года тройственного соглашения между Туркменистаном, Ираном и Турцией о совместной прокладке упомянутого выше газопровода в Европу.

Следует также отметить, что, активно наращивая свое присутствие в Центральной Азии, шиитский Иран всячески содействует проникновению в регион Индии. Таким образом персы стремятся ослабить доминантные позиции суннитского направления ислама в среднеазиатских государствах. В результате, главные политические, идеологические и экономические соперники Пакистана и стран Запада, а также хорошие друзья Москвы - Иран и Индия, - стремительно распространяют свое влияние на этот в высшей степени важный в экономическом и геополитическом отношении регион. Подобная ситуация крайне раздражает не только Эр-Рияд, но также Исламабад, Вашингтон и Лондон. С одной стороны, Вашингтон совершенно не заинтересован в росте экономической и политической мощи Тегерана, а с другой - сам стремится принять участие в разработке и транспортировке туркменского газа.

И все же серьезным недостатком Ирана является его экономическая слабость. Экономика этой страны переживает тяжелый кризис еще с 1979 года, - то есть на протяжении всех более чем двадцати лет правления режима аятолл, - и значительно пострадала от войны с Ираком и недавнего падения цен на нефть (добыча этого энергоносителя обеспечивает до 90 процентов поступлений в национальную казну). Бросая к тому же огромные деньги на различные военные программы, Иран не может предложить странам Средней Азии, нуждающимся иностранных инвестициях, значительной финансовой помощи. Данное обстоятельство, разумеется, не увеличивает его шансы в противостоянии с Саудовской Аравией.

Глава 45. Преимущества толстого кошелька

Сказанное выше свидетельствует о том, что Саудовская Аравия имеет в Центральной Азии значительное преимущество перед Ираном именно в экономической области. Как наиболее крупный производитель нефти, она может позволить себе делать многомиллиардные вливания в экономику этих стран (только до 1996 года общая сумма инвестиций составила 4 миллиарда долларов). Особенно интересуют Эр-Рияд инвестиции в нефте-газовую промышленность Туркменистана, который получил от Саудовской Аравии кредит в 10 миллиардов долларов.

Тем не менее, вне всякого сомнения, Саудовская Аравия серьезно озабочена активизацией деятельности Ирана в Центральной Азии. Так, дипломатический вояж главы саудовского МИДа принца Сауда аль-Файсала по Узбекистану, Таджикистану, Туркмении и

Азербайджану в феврале 1992 года был призван не только подчеркнуть высокий интерес саудовской правящей династии к региону, но также выразить ее тревогу по поводу формирования Организации экономической кооперации (ЕКО). Саудовцы опасались тогда остаться в стороне. Чтобы этого не произошло они пригласили страны Центральной Азии принять участие в работе "Организации исламской конференции" (ИСО), базирующейся в Джедде. В настоящий момент полноправными членами Организации являются Азербайджан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан. Казахстан же участвует в ее работе в качестве наблюдателя.

Огромное значение имеет экономическая мощь Саудовской Аравии и в соревновании на идеологическом фронте. Несмотря на все сказанное выше о преимуществах иранской модели активного фундаментализма, Тегеран все-же не может оспаривать у Эр-Рияда пальму идеологического первенства в суннитском мире, к которому относится и Центральная Азия. Как место рождения ислама Саудовская Аравия занимает особое место в сердцах местных мусульман, большинство которых является суннитами. К тому же саудовцы достигли огромных успехов в распространении своей версии исламского образования в Центральной Азии. Оплаченный хадж для жителей региона, издание для них Корана миллионными тиражами (в том числе на казахском, узбекском и русском языках), финансирование деятельности тысяч новых школ, мечетей и проповедников - все это Эр-Рияд предпринимает для скорейшего распространения идей ваххабизма в Центральной Азии. Деньги переводятся через различные совместные предприятия, из которых наибольшую известность приобрел казахский "Al-Baraka-Kazakhstan Bank". Именно этим банком была основана телевизионная компания "Asia TV", осуществляющая трансляцию своих передач на Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан. Не удивительно, что передачи ее содержат чрезвычайно активную пропаганду ислама ваххабитского толка.

В сфере исламской пропаганды на территории Центральной Азии прямым союзником Саудовской Аравии против шиитского Ирана, также как и на территории Афганистана, является Пакистан. Эр-Рияд и Исламабад совместно финансировали создание крупных исламских центров в Ферганской долине, в частности в Наманганской области, откуда исламский фундаментализм уже распространялся в северном направлении - в Кыргызстан, и в западном - в Таджикистан. Одновременно, в 1992-93, они объединили свои усилия в активизации экспорта ваххабизма на Северный Кавказ, в Закавказье и Поволжье. Помимо этого, в 1991-92 саудовцы и пакистанцы финансировали создание оппозиционной партии "Адолат" ("Справедливость") в Узбекистане, поддерживали отдельные группировки исламистской оппозиции в Таджикистане, исламистские нелегальные общества в сельских районах южного Казахстана, а также деятельность ваххабитов Северного Кавказа – в частности, Мохаммада Фатхи и Хаттаба на территории Чечни, и Багаутдина в Дагестане.

Глава 46. Туркменский феномен

Однако при всей своей активности в Центральной Азии, Саудовская Аравия и Пакистан проявили подозрительную "пассивность" в Туркменистане. И о чудо! - в этой стране сохранились мир и политическая стабильность. Здесь Эр-Рияд и Исламабад стремились опередить своих стратегических соперников - Тегеран и Анкару в сугубо экономическом состязании, с тем, чтобы впоследствии использовать материальную базу Туркменистана для успешного продолжения борьбы против "неверных" русских, турок и персов на просторах бывшей южной части Советского Союза. Таким образом, туркменский газ и особенно его транспортировка приобретали не только локальное, но и геополитическое значение в "Большой игре". Более всего саудовские, равно как американские и британские

компания привлекает газовое месторождение Яшлар, для эксплуатации которого в 92-м году было создано совместное предприятие туркменского правительства и аргентинской компании "Бридаас корпорейшн". Согласно данным предварительных исследований, общий объем природного газа в Яшларе достигает 550 миллиардов кубических метров. Самый короткий путь транспортировки этого газа мог быть проложен из Туркменистана через Афганистан в Пакистан, а оттуда, из расположенного на берегу Аравийского моря города-порта Карачи - в Европу и США. Открывалась также перспектива прокладки газопровода до северных районов соседней Индии, население которой уже в 92-м году насчитывало 860 миллионов человек и, следовательно, ее потребность в энергоресурсах стремительно возрастала. Все эти возможности были чрезвычайно заманчивы и сулили гигантские прибыли, однако на пути их реализации имелось одно "небольшое" препятствие: между Туркменистаном и Пакистаном расположены Афганские горы и пустыни, воинственные жители которых вот уже второе десятилетие подряд методично друг друга истребляют. В условиях постоянной войны, естественно, ни о какой газовой трубе не могло быть и речи. По этой причине заинтересованные люди в Исламабаде, Эр-Рияде и Вашингтоне кусали локти, а в Тегеране и Москве, наоборот, довольно потирали руки. Веселью Кремля, однако, весьма скоро пришел конец: почти одновременно с уже упоминавшимся празднованием Дня независимости Туркменистана, в конце 94-го, провалился второй по счету штурм Грозного, предпринятый русскими совместно с антидудаевской оппозицией. Именно после этого начинается первая Чеченская кампания, и "Большая игра" в Евразии входит в совершенно новую, гораздо более ожесточенную фазу. Отвлекая внимание Кремля от Средней Азии и Туркменистана, саудовцы, американцы и британцы гарантировали Пакистану экономическую и политическую поддержку в скорейшем решении "афганской проблемы". Исламабад и сам был кровно заинтересован в наведении порядка на территории Афганистана, ведь пока там шла война пакистанцы теряли огромные деньги, которые на Востоке решают гораздо больше, нежели воля Аллаха...

Глава 47. Поход на север

Британский солдат напротив бывшего королевского дворца в Кабуле, наши дни (Mario Laporta/Reuters). А как все начиналось...

После взятия Кабула, в начале октября 1996 года талибы попытались продолжить наступление на север страны, однако в районе города Джабаль-ус-Сирадж потерпели первое за всю историю существования своего движения военное поражение. Около четырехсот из них были взяты в плен таджиками Ахмад Шаха Масуда, причем несколько оказались пакистанскими гражданами, что лишний раз подтвердило факт причастности Исламабада к описываемым событиям в Афганистане.

Вскоре, однако, талибы вернули себе инициативу в военных действиях и в январе 1997 развили наступление на двух направлениях - к северу от Кабула и на северо-западе страны, - после чего Джабаль-ус-Сирадж был ими отбит у Масуда. Все усилия талибов в это период были направлены на то, чтобы максимально потеснить "северную коалицию" и приблизиться к границам Среднеазиатских государств.

Между тем, одновременно с успешным продвижением талибов на север, представители фирмы "Бридаас корпорейшн" провели серию встреч с ними и представителями "северного альянса", на которых подтвердили заключенные ранее соглашения, "чтобы - как сообщил официальный представитель компании в Ашгабате Малькольм Херлстон, - иметь

возможность приступить к осуществлению проекта (строительства газопровода - авторы) не дожидаясь окончания военных действий".

В марте 1997 продолжились ожесточенные сражения в граничащей с Туркменистаном провинции Бадгис. Талибы контролировали тогда южную и западную части провинции. Антиталибовский альянс, оттесненный на север, пытался при поддержке Узбекистана и России перейти в наступление и выбить противника из этого особо важного приграничного района. Жестокие бои в Бадгисе были вызваны в частности тем, что по крайнему Западу этой провинции проходит заключительный отрезок стратегически важного шоссе Кушка-Тургунди-Герат-Кандагар-Кветта.

Продолжились военные действия и в северных районах страны. В общей сложности к концу марта под контролем движения "Талибан" находилось чуть более 75 процентов всей территории Афганистана. При этом вооруженные формирования талибов насчитывали около 50 тысяч боевиков. После того, как большая часть территории провинции Бадгис была захвачена талибами российский "Газпром" приобрел часть акций планируемого газопровода Туркменистан-Пакистан, став, таким образом, участником данного проекта. В апреле узбекский генерал Дустум (поддерживаемый Ташкентом) выступил с обвинением в адрес Ашхабата, заявив что Туркменистан поддерживает талибов. Тогда уже фактически вся более чем 600-километровая туркмено-афганская граница находилась под контролем "студентов". Однако, странное дело: Сапармурат Ниязов, в отличие от своих узбекского и таджикского коллег, совершенно не беспокоился по данному поводу. Между Туркменистаном и движением "Талибан" существовала договоренность о мире, которая строго соблюдалась обеими сторонами.

В этом контексте весьма показательна состоявшаяся в конце первой половины мая 1997 года в Ашхабате встреча десяти глав-государств, входящих в организацию экономического сотрудничества (ЭКО). Выступавший на ней президент Узбекистана Ислам Каримов, в частности, отметил: "Здесь, в Ашхабате, часто употребляют термин "братские государства". Мне не кажется уместным употребление такого словосочетания. У стран, входящих в ЭКО, разные общественно-политические устремления, и я бы хотел, чтобы такие слова употреблялись только тогда, когда они действительно применимы". Стоит отметить, что, организовав пятую встречу лидеров ЭКО, Сапармурат Ниязов сумел весьма эффективно использовать свои полномочия председателя организации, непрерывно демонстрируя центральное положение Туркменистана не только как основного источника природного газа в регионе, но и как географического перекрестка всех коммуникаций, пронизывающих его с юга на север и с запада на восток. Однако оптимистический настрой Ниязова был сведен на нет узбекским президентом. На заключительной пресс-конференции, отвечая на вопрос о судьбе трубопровода из Туркменистана в Пакистан, Каримов заявил о необходимости прекращения поддержки Пакистаном движения "Талибан". В тот же день, 14 мая, Ниязов и Шариф совместно с руководством американской "UNOCAL" и саудовской "Delta oil" подписали протокол о "завершении формирования консорциума для строительства газопровода через Афганистан к 1 октября сего года". Это привело к новой эскалации противоборства в регионе за разработку и транспортировку туркменского газа.

Конкуренция ужесточилась не только между явными соперниками, но и между официальными партнерами. Именно в этот момент на сцене появляется в одной из главных ролей Осам бин-Ладен. Обострение дележа туркменского газа моментально повлияло на резкую активизацию военных действий в Афганистане. Причем почти все страны входящие в ЭКО, - формально организацию сотрудничества, - так или иначе приняли участие в новом витке афганского конфликта, выступая на стороне различных

враждующих сил. Ниязов не желал нарушать в Ашхабате видимость всеобщего регионального братства и мирного экономического сотрудничества, а поэтому в качестве официального представителя Афганистана туда был приглашен изгнанный талибами из Кабула Бурхануддин Раббани. Это, в свою очередь, вызвало недовольство движения "Талибан", так как оно к тому времени управляло уже большей частью страны. Однако то было еще далеко не все. Тогда же, в мае 97-го, озабоченная продвижением талибов и усилением региональной роли Саудовской Аравии, Пакистана и их союзника США, ось Ташкент- Анкара-Москва-Тегеран-Душанбе подготовила для них весьма каверзный сюрприз.

Глава 48. Западня

20 мая 1997 года талибы предприняли очередную попытку наступления в северном направлении, на главную цитадель северного альянса - провинции генерала Дустума. Для этого им было необходимо преодолеть ведущий в провинцию Бамиан перевал Шибар - ворота в Северный Афганистан. Однако именно здесь они были отбиты шиитской проиранской группировкой Карима Халили "Хезб-и Вахадат".

За несколько дней до этого события с офицерами ИСИ, работавшими под дипломатическим прикрытием в пакистанском генконсульстве в Мазари-Шарифе, связались представители одного из ближайших соратников Дустума - Абдул Малика, губернатора приграничной с Туркменистаном северной провинции Фарьяб. Они передали пакистанцам секретное послание своего командира, в котором последний выказывал готовность поднять восстание в тылу Дустума, свергнуть его и перейти на сторону талибов. Единственным принципиальным условием, которое выдвигал Малик, было обязательное включение его в состав кандагарского правительства. Абду Малик - по отцу узбек, но по матери - пуштун. Однако, что более важно: в июне 96-го года был убит при невыясненных обстоятельствах его родной брат Расул Пахлаван. Почти полгода спустя появились слухи о причастности к этому убийству Дустума. Последняя причина и указывалась Маликом как решающая в принятии им решения о переходе на сторону врага. В руководстве ИСИ и движения "Талибан" ему поверили и даже гарантировали пост замминистра иностранных дел, после чего была достигнута договоренность о совместных действиях с обеих сторон. Утром 19 мая Малик поднял антидустумовский мятеж. Провинция Фарьяб перешла под его полный контроль, а 5 тысяч солдат Дустума оказались в плену. Далее на сторону Малика перешли вооруженные силы "северного альянса" в приграничной с Таджикистаном провинции Кундуз. 24-25 мая талибы соединились с формированиями Малика и совместно, почти без боя, заняли Мазари-Шариф. Одновременно их передовые отряды рассредоточились и в других районах северного Афганистана, находившихся ранее под контролем Дустума. Таким образом, почти не встречая на своем пути сопротивления, талибы заняли значительные области на севере страны, установив свою власть над 90 процентами территории Афганистана. Очаги сопротивления остались лишь в приграничной с Таджикистаном северной провинции Тахар, в соседнем с ней Бадахшане и в некоторых районах провинций Баглан и Кундуз. Продвижение талибов на север сопровождалось массовым переходом на сторону Малика вооруженных узбекских и таджикских формирований. При этом, - что самое поразительное!, - перебежчики не разоружались, так как официально вступали в ряды Малика, бывшего теперь союзником талибов.

25 мая 1997 года пресс-секретарь МИДа Турции сообщил, что узбекский генерал Дустум прибыл в Анкару и вместе с семьей и девятью верными ему узбекскими офицерами остановился в столичном отеле "Стад". Охрану Дустума обеспечивали офицеры турецкой

контрразведки, контролировавшие также все его контакты. На официальной пресс-конференции генерал, в частности, заявил, что собирается в ближайшем будущем вернуться в Афганистан для продолжения борьбы во главе 50 тысяч верных ему бойцов. Политические обозреватели расценили тогда это самоуверенное заявление Дустума как чистой воды блеф, а на карьере самого генерала поставили жирный крест. День спустя, 26 мая, Бурхануддин Раббани вылетел в Таджикистан, в то время как шеф таджикского МИДа Назаров находился в Тегеране. Тогда же, уходящий с президентского поста Хашеми Рафсанджани выступил с внезапным заявлением, из которого следовало, что его страна не вмешивается во внутренние дела других государств. В это же время, с разницей буквально в час, российский министр иностранных дел Примаков в официальном выступлении подчеркнул, что движение "Талибан" не сможет установить свою власть на всей территории Афганистана, так как лишено поддержки этнических меньшинств - в том числе узбеков и таджиков! Сказано это было, напомним, почти неделю спустя после создания союза между талибами и многочисленной узбекской группировкой Абдула Малика, поддерживаемого национальными меньшинствами таджиков и хазарейцев. При этом, как уже было сказано, под властью талибов находились более 90 процентов территории Афганистана.

26 мая Саудовская Аравия официально признала их правительство, и таким образом, Эр-Рияд стал второй после Исламабада исламской столицей, признавшей новый афганский режим. Тем временем, днем ранее в самом Афганистане 2500 боевиков движения "Талибан" прибыли в Мазари-Шариф, дабы укрепить позиции в этом районе. Агентства новостей сообщали об окончательном завоевании талибами "всего" Афганистана. Казалось, что "северный альянс" разгромлен. 27 мая, укрепившись в городе, талибы решили разоружить шиитскую группировку "Хезб-и Вахадат", командиры которой незадолго до того объявили о присоединении к Малику. Колонна джипов с талибами направилась в район Сайдабад, заселенный преимущественно шиитами. Оказавшись на месте, талибы однако были встречены шквальным автоматным огнем. А их попытка ретироваться была пресечена ударившими в спину... отрядами Абдул Малика!

Одновременно по всему городу началась настоящая охота на талибов. В Мазари-Шариф непрерывным потоком прибывали узбекские и хазарейские подкрепления. Лишь недавно "взятые в плен" Маликом формирования Дустума приняли теперь активное участие в бою на стороне Малика. Жестокие столкновения продолжались всю ночь, причем против талибов были применены специально подтянутые артиллерия и танки. Утром 28 мая уцелевшие остатки пуштунских отрядов прорвали кольцо окружения города и бежали. То был первый случай, когда боевики движения "Талибан" оставили занятые ранее территории. Более полутора тысяч из них погибли в западне, расставленной Маликом, и тысячи оказались в плену. Среди пленных оказалось множество представителей руководства движения "Талибан", включая и министра иностранных дел муллу Мухаммада Гуса, губернатора провинции Герат и военного командира северо-западного района Абдула Разака, члена центрального "Совета шести" муллу Эхзанулла. Кроме того, были захвачены около 300 пакистанских военных советников, большое количество пакистанской военной техники и транспорта.

Уже 28-29 мая войска Малика, Ахмада Шаха Масуда и Халили в союзе с исмаилитскими лидерами Бадахшана одновременно перешли в наступление по всей линии фронта. Талибы были выбиты из многих занятых ими ранее районов, в частности из города Джабаль-ус-Сирадж, с перевала Саланг, обширных частей провинций Парван и Каписа и, главное, провинции Кабул. Тогда же, 29 мая 1997 года, глава МИД Ирана Али Акбар Велаяти обратился в официальном послании к Генсеку ООН Кофи Анану с настоятельной просьбой оказать политическое давление на движение "Талибан" и поддерживающие его

иностранные государства. Он также потребовал, - очевидно напрочь позабыв о принципе невмешательства, - "политически" вмешаться в ситуацию в Афганистане, чтобы прекратить военные действия на севере страны и подготовить почву для урегулирования конфликта.

Таким образом, на основе всего сказанного выше, сегодня можно с уверенностью утверждать, что "предательство" Абдул Малика было на деле прекрасно спланированной акцией. Обращают на себя внимание сразу несколько аспектов. Прежде всего, имевшая место координация политических и военных действий самых различных сторон (осей Москва-Тегеран-Душанбе и Анкара-Ташкент; причем в роли связующих звеньев выступали российская и узбекская столицы). Кроме того, близость описанных событий к состоявшейся в феврале 97-г года в Ташкенте встрече министров обороны России, Узбекистана и Таджикистана (их туркменский коллега был также приглашен, однако Ашгабат ответил отказом). На этой встрече обсуждалась главным образом совместная тактика действий на случай захвата талибами северных провинций Афганистана. Так, Игорь Родионов заявил тогда буквально следующее: "Нельзя ограничиваться позицией наблюдателя и необходимо предпринять конкретные (выделено авторами) действия, чтобы избежать расширения войны в Афганистане на государства Средней Азии. Не удивительно поэтому, что проведенная с участием Малика операция поразительно напоминает знаменитые операции советской разведки "Трест", "Монастырь" и другие.

Что же до самого Абдул Малика, то после успешного выполнения возложенной на него миссии, он временно занял место лидера "Национального исламского движения Афганистана". В ноябре, после возвращения Дустума из Турции, он уехал в Иран, отказавшийся удовлетворить неоднократные требования талибов о его выдаче.

Глава 49. Энергетическая дипломатия

Несмотря на то, что война в Афганистане с той или иной степенью напряженности продолжается по сей день, экономические интересы участников "Большой игры", ставкой в которой является обладание центральноазиатскими энергоресурсами, диктуют необходимость дипломатического вмешательства ради политического урегулирования бесконечного конфликта. При этом, разумеется, различные игроки преследуют совершенно различные цели и, как следствие, разнятся и их тактика.

Первыми проявили инициативу в этом направлении пакистанцы. Произошло это еще летом 1997 года, после того как отбивший в начале июня очередное наступление талибов Ахмад Шах Масуд захватил 450 их боевиков, а также большое количество военной техники и боеприпасов. Тот было второе после Мазари-Шарифа крупное и весьма болезненное поражение людей муллы Мухаммада Омара. Оно-то и заставило Исламабад выступить с миротворческой инициативой. В самый разгар боевых действий между талибами и "северным альянсом" замминистра иностранных дел Пакистана Ифтикхар Муршид совершил несколько челночных вояжей между штаб-квартирами Омара и Масуда. Однако никакого реального успеха его усилия не возымели.

И тогда, в конце все того-же 97-го, к организации переговорного процесса в Афганистане активно подключился американский Госдепартамент. Ассистент госпожи Олбрайт по вопросам американской политики в Южной Азии, некто Карл Индерфурт, провел в Вашингтоне целых три раунда переговоров с послами Ирана, Китая, Пакистана, Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана и России с целью создания так называемой "контактной группы" (или, как еще иначе называли ее американские дипломаты, "6+2" -

по количеству участников, государств, граничащих с Афганистаном, а также США и России), которой предстояло координировать усилия по организации афганского мирного процесса.

Здесь стоит отметить, что от участия в новом форуме отказалась Великобритания, чем вызывала неудовольствие американской администрации. Причины, побудившие официальный Лондон на столь странный шаг, по сей день неизвестны. Скорее всего, нежелание англичан действовать под американской эгидой объяснялось их собственными экономическими интересами в центральноазиатском регионе. Косвенным подтверждением данному предположению может служить следующий факт: в самый разгар описываемых событий, а именно 2 декабря 1997 года, президент Туркменистана Сапармурат Ниязов (который, похоже, никак не мог решиться в выборе "большого друга") договорился с главой англо-голландской компании "Shell" Джоном Парсли о начале формирования международного консорциума для строительства газопровода из Туркменистана, через Иран, в Турцию. Совершенно очевидно, что в данном случае "Shell" напрямую выступала против американских интересов, поскольку не только предлагала альтернативу туркмено-пакистанскому маршруту, но также готовилась предоставить Тегерану существенную часть своих баснословных прибылей в качестве оплаты транзитных услуг.

Между тем аналогичные планы уже упоминавшейся ранее американской компании UNOCAL, намеревавшейся соединить туркменское месторождение Яшлар с пакистанским городом-портом Карачи, потрепали фиаско из-за успешных действий "северной коалиции". Талибы, со своей стороны, проявили повышенную дипломатическую активность, пытаясь, как это ни странно звучит сегодня, убедить Вашингтон в скорейшем проведении туркмено-пакистанского трубопровода. Одновременно правительство движения в Кандагаре стремилось к получению официального признания со стороны международного сообщества. А в достижении этой цели именно отношения с США имели решающее значение.

И вот тогда же, в декабре, руководство UNOCAL организует прилет в Вашингтон высокопоставленной делегации талибов, которая на протяжении нескольких дней встречается с высокопоставленными представителями американских политических и финансовых кругов. При этом цель у "слуг Аллаха" в логове "большого Сатаны" все та же: убедить американцев без промедления начать прокладку упомянутого трубопровода. Белый дом настоятельно "советует" гостям из Кандагара начать переговоры с Раббани и Масудом о создании правительства национального единства. Все это происходит на фоне возобновления широкомасштабного наступления талибов на позиции "северного альянса".

Несколько позже, уже весной 98-го, представители противоборствующих сторон встречаются в Исламабаде, в обстановке строжайшей секретности. А в апреле в американскую столицу с официальным визитом прибывает сам президент Ниязов. 23-го апреля он встречается лично с президентом Клинтоном, а также с вице-президентом Гором. Главная тема переговоров, разумеется, энергетическая. Ниязов встречается также с руководящим составом компаний UNOCAL, "Еххон" и "Mobil" и уезжает, наконец, весьма довольный собой, подписав предварительно целую кипу договоров о сотрудничестве. Любопытно отметить, что визит туркменского лидера в Вашингтон предваряло посещение Ашгабата советником администрации по связям со странами СНГ Яном Калицки и заместителем министра энергетики США Робертом Джи. В ходе проведенных ими переговоров, в частности, обсуждалась тема соперничества американской UNOCAL и аргентинской "Bridas corporation".

Практически сразу же по возвращении Ниязова домой, в мае, к решению "афганской проблемы" вновь активно подключается Организация Объединенных Наций. Как следствие, в Кабул с официальным визитом прибывает не кто-нибудь, но постоянный представитель США при ООН Билл Ричардсон. В его задачу входит решение по крайней мере двух основных вопросов: начало переговоров по созданию в Афганистане коалиционного правительства и прекращение покровительства движению "Талибан" со стороны опального саудовского миллионера Осамы бин-Ладена. Впрочем, попытка комплексного подхода американского дипломата встречает сопротивление со стороны талибов: последние не желают говорить об экстрадиции бин-Ладена США или даже депортации его за пределы Афганистана. В результате, Ричардсон покидает Кабул не добившись реального успеха своей миссии.

Глава 50. В поисках врага

AP Photo/Adam Butler

Серия дипломатических усилий Белого дома была прервана самым трагическим образом: утром 7 августа 1998 года, когда в США еще не рассвело, в Найроби и Дар ас-Саламе прогремели взрывы. Произошло это через три месяца после визита Ричардсона в Кабул. К тому времени спецслужбам США уже было известно, что собравшиеся в июне в Кандагаре члены возглавляемого бин-Ладеном так называемого "Всемирного исламского союза" санкционировали проведение террористических акций против американских объектов по всему миру. Однако на африканском континенте появления террористов ожидали менее всего. Результат этой ошибки оказался ужасным: во время теракта погибли 257 человек (из них 12 - американцы) и более 5000 получили ранения.

Реакция Вашингтона последовала чрезвычайно быстро: ночью 20 августа американские крылатые ракеты поразили цели на территории западной афганской провинции Пактия. Ущерб, нанесенный при этом террористам, оказался мизерным, зато американо-афганским дипломатическим контактам был положен конец. Уже несколько дней спустя официальный представитель движения "Талибан" в ОАЭ Мохаммад Мадани заявил буквально следующее: "Осама бин-Ладен - наш гость и мы будем его защищать... После ничем не оправданных ракетных ударов мы находимся в состоянии войны с Америкой".

Впрочем, несмотря на столь выпяченную риторику, в тот момент Вашингтон был вовсе не единственным и далеко не самым главным врагом талибов. Как раз к августу 98-го им удалось захватить значительные территории на севере Афганистана и серьезно потеснить действовавшие там узбекские и шиитские группировки, спонсорами которых являлись соответственно Узбекистан и Иран. Чтобы предотвратить окончательный разгром базировавшейся в горах провинции Бамиан, к северо-западу от Кабула, шиитской "Хезб-э вахадат", командование иранских вооруженных сил приступило 1-го сентября к проведению широкомасштабных военных маневров вдоль всей границы с восточным соседом. Помимо этого, персы значительно увеличили размеры поступавшей через территорию Таджикистана финансовой и военной помощи антиталибовским группировкам северо-восточного Афганистана.

Следует отметить, что формальной причиной ухудшения отношений между Тегераном и талибами стало исчезновение 11 иранских дипломатов в городе Мазари-Шариф. Сразу же после начала упомянутых маневров четверо иранских граждан были отпущены и вернулись на родину. Тогда же выяснилось, что остальные иранцы были убиты, причем, по утверждению организации "Эмнести интернешнл", перед смертью они подверглись

зверским пыткам. Прибытие семи гробов в Тегеран вызвало всплеск антиталибовских настроений. Во время похорон многотысячная толпа скорбящих прошла по улицам иранской столицы с требованием мести убийцам.

Между тем, наступление талибов в провинции Бамиан, несмотря на усилия персов, развивалось успешно. Им даже удалось захватить одноименный провинциальный центр, последний крупный опорный пункт проиранской "Хезб-э вахадат", и пленить еще 40 иранских граждан. После столь крупной победы руководство движения "Талибан" официально обратилось к Тегерану с дерзким предложением обменять заложников-персов на лидеров антиталибовской оппозиции, нашедших убежище в Иране. Разумеется, иранские власти отвергли подобную сделку, а духовный лидер страны аятолла Али Хаменеи даже назвал новых афганских правителей "жестокими и невежественными догматиками, опирающимися на иностранцев и готовыми служить их интересам". Вообще, Тегеран обвинил муллу Омара и его людей в целом ворохе смертельных грехов. Так, например, им вполне справедливо приписывалось поставленное на широкую ногу производство героина и организация хорошо налаженной системы его сбыта, в частности через иранскую территорию в Турцию. Кроме того, в заявлениях лидеров ИРИ говорилось о поддержке талибами суннитского подполья на востоке Ирана, а также различных оппозиционных иранских группировок и, в первую очередь, "Моджахеддин халк". Талибам также вменялись в вину тайные контакты не только с пакистанцами и саудовцами, но и с американцами. Вашингтон, считали в Тегеране, пытается руками талибов оттянуть Иран с ближневосточной арены, а также подорвать позиции ИРИ и России в центральноазиатском регионе.

Таким образом, динамика событий привела к резкому увеличению иранского военного контингента на афганской границе. В общей сложности в "учениях" приняли участие 70 тысяч иранских военнослужащих, в том числе и элитные части. К примеру, только на границе юго-западной афганской провинции Нимруз, в районе города Забол, иранцы разместили ударную группировку войск из 25 штурмовых самолетов, 80 танков Т-72, 60 бронемашин, 90 единиц ствольной артиллерии, а также двух зенитно-ракетных комплексов противовоздушной обороны. Для сравнения: талибам удалось собрать в прилегающих к иранской границе районах Афганистана лишь 8 тысяч человек. Основные их силы оставались в это время на севере страны, где Ахмад-Шах Масуд и бадахшанские горцы-исмаилиты осуществили несколько успешных наступательных операций.

Глава 51. Диалог глухих

Афганистан, Нахрин, наши дни. AP Photo/Greg Baker

Очевидно, именно поражениями на северном фронте объясняется согласие муллы Омара на проведение повторной встречи с представителями "северного альянса", которая и состоялась в середине февраля 1999 года в Ашгабате под эгидой ООН. Результат ее, правда, также оказался не слишком обнадеживающим, однако стороны достигли договоренности о новом раунде переговоров, прошедшем 11 марта. Главным партнером талибов по переговорам являлся Ахмад Шах Масуд - на тот момент фактически единственный серьезный лидер оппозиции. В отличие от прочих его соратников по оружию, Масуд сохранил под своим командованием достаточно многочисленную и профессиональную группировку. Контролируемые им и по сей день значительные и, главное, стратегически важные территории заставляют талибов с ним считаться. Прочие же антиталибовские группировки, как узбекские, так и шиитские, в момент возобновления переговоров уже практически не являли собой серьезной военной силы (исключением,

пожалуй, являются партизанские соединения северо-восточного Афганистана - провинций Бадахшан и Тахар, - которые либо непосредственно подчиняются Масуду, либо выступают в качестве его союзников). Примечательно, что, даже несмотря на ведущиеся формально переговоры, в первой половине 1999 года талибы называли Ахмад Шаха своим "врагом номер один". Незадолго до мартовской встречи в Ашгабате мулла Мохаммад Омар лично поклялся "вымести Масуда метлой из страны".

Переговоры, тем не менее, продолжились и второй их раунд длился целых три дня - до 14 марта. На этот раз делегацию талибов возглавил Вакиль Ахмад Муттавакиль. Стороны обсудили "возможное прекращение огня", обмен военнопленными, а также (в самых общих чертах) наиболее важную для них проблему распределения ролей в будущем коалиционном правительстве. Позиция талибов по последнему вопросу оказалась откровенно провокационной. Они выставили Ахмад Шаху целый ряд категоричных условий, на которые он не мог согласиться: полное разоружение его формирований, безоговорочное признание Мохаммада Омара главой государства, принятие шариата в трактовке движения "Талибан". Кроме того, талибы требовали, чтобы все ключевые посты в будущем гипотетическом правительстве принадлежали исключительно им, а 95 процентов штата властных структур составляли пуштуны. Масуду же они готовы были отдать в лучшем случае... министерство сельского хозяйства! Это, кстати, было неприемлемо не только для "северного альянса", но также и для группы "6+2", настаивающей на создании в Афганистане коалиционного правительства с широким представительством этнических меньшинств. В конечном итоге, требования талибов привели к фактическому срыву переговоров в Ашгабате, и диалог между ними и "северным альянсом" не возобновлялся вплоть до сего дня. Казалось, этот дипломатический провал вкупе с экономическими санкциями, введенными в прошлой году США после отказа талибов выдать Вашингтону Осаму бин-Ладена, способен значительно ослабить позиции правительства Мохаммада Омара. Однако ситуация в самом Афганистане и вокруг него получила совершенно иное развитие...

Глава 52. Тень "старшего брата"

Во второй половине января 2000 года в Исламабаде появился высокопоставленный американский дипломат - уже знакомый нам Карл Индерфурт. В первый же день своего визита он встретился сразу с двумя видными талибовскими чиновниками - послом движения в Исламабаде Саидом Мохаммедом Хаккани и прибывшим специально из Кандагара Амир Ханом Муттаки. Каких-либо подробностей о встрече обе стороны не сообщали, однако, по распространенной американскими СМИ информации, речь на ней шла исключительно о судьбе бин-Ладена. Можно, однако, предположить, что тема эта все-же была далеко не самой главной. Скорее всего, речь на встрече шла о возобновлении на прежнем уровне контактов между талибами и Вашингтоном. Последний серьезно обеспокоен значительным ростом влияния в регионе Саудовской Аравии (особенно на фоне войн в Чечне и Кашмире). Процесс этот сопровождается переходом к Эр-Рияду инициативы в области освоения нефте-газовых месторождений Центральной Азии (прежде всего имеется в виду вытеснение американской компании UNOCAL саудовской "Delta Oil" из международного консорциума весной прошлого года), а это уже чревато поражением в поистине судьбоносном сражении за контроль над энергоресурсами. Чтобы этого не произошло, американцам необходимо в кратчайшие сроки восстановить былые отношения с нынешними хозяевами Афганистана, а те, в свою очередь, осознают, что не Эр-Рияд, а именно Вашингтон способен сегодня добиться признания их международным сообществом (до настоящего момента кандагарское правительство признано лишь Саудовской Аравией, Пакистаном и ОАЭ). Таким образом, становится понятна цель

последнего визита Индерфурта в Исламабад. Однако в этой связи совершенно в ином свете предстает и произошедший в конце декабря 1999 года захват кашмирскими террористами из организации "Харкат уль-ансар" индийского авиалайнера IC 814 со 155 пассажирами на борту. Случайно ли оказались похитители именно в Кабульском аэропорту? И почему вели переговоры с представителями не просто дружественного, но идеологически близкого "Харкат уль-ансар" движения "Талибан" не покидая самолета? Все это напоминает скорее хорошо срежиссированную постановку, цель которой - реабилитация имиджа талибов в глазах международной общественности, считающей их экстремистами и террористами. В принципе, самим талибам не столь уж важно, что думают о них "неверные", однако это крайне необходимо их пакистанским покровителям (прежде всего новому лидеру страны Парвезу Мушаррафу), а также американцам, которые теперь смогут возобновить контакты с Афганистаном на официальном уровне и снять с него экономические санкции.

Таким образом, остается лишь узнать, кто спланировал операцию по похищению IC 814, финал которой может иметь столь далеко идущие последствия для всего центральноазиатского региона? Свой ответ на этот вопрос предлагают индийские спецслужбы, обвиняющие в произошедшем соперников из пакистанской ИСИ, покровительствующей не только талибам, но и "Харкат уль-ансар". От себя заметим, что версия эта вовсе не лишена оснований. Незаслуженно обделенная вниманием международной прессы и авторов книг о спецслужбах, пакистанская разведка тем не менее является одной из наиболее профессиональных и эффективных среди аналогичных ведомств на Азиатском континенте. Свидетельством тому как раз и является успех движения "Талибан". Впрочем, это тема уже для другого рассказа.

01/25/99 10/03/99